

ТАТЬЯНА ЛИШАНКОВА
ВЕРОНИКА ЯКОВЛЕВА

КОМИТЕТ ПО ЛИКВИДАЦИИ ДИСКРИМИНАЦИИ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ

2024

Оглавление

Введение	2
Глава 1. Критерии приемлемости по делам о дискриминации в отношении женщин	3
1.1. Статус жертвы	3
1.2. Исчерпание внутренних средств правовой защиты	7
1.3. Рассмотрение в соответствии с другой процедурой международного разбирательства	8
1.4. Совместимость с положениями Конвенции	9
1.5. Достаточное обоснование	9
1.6. Злоупотребление правом на направление сообщения	10
1.7. Факты имели место после вступления в силу Факультативного протокола	10
Глава 2. Домашнее насилие	12
Защита мигранток от домашнего насилия	20
Глава 3. Сексуализированное насилие	22
Изнасилования и сексуальное рабство во время вооруженных конфликтов	27
Глава 4. Торговля людьми	30
Глава 5. Доступ к медицинскому обслуживанию	34
5.1. Доступ к услугам в области репродуктивного здоровья	34
5.2. Доступ к надлежащему медицинскому обслуживанию в период беременности и родов	34
5.3. Акушерское насилие (насилие в родах)	36
5.4. Аборты	38
Глава 6. Условия содержания в местах несвободы	41
Глава 7. ЛБТК +	42
Глава 8. Практика по делам о высылке	46
Список дел Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин	50

Введение

Настоящее пособие посвящено вопросам обращения в Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин (далее – КЛДЖ, Комитет). Его цель – помочь юристам, адвокатам, правозащитникам и активистам эффективно использовать механизм подачи индивидуальных сообщений в Комитет.

КЛДЖ играет ключевую роль в обеспечении выполнения государствами обязательств по Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – Конвенция). Комитет рассматривает индивидуальные сообщения, исследует обстоятельства конкретных дел и принимает мнения, которые не только помогают восстановить права заявителей, но и формируют прецеденты для будущих обращений. Анализ этих мнений позволяет лучше понять, какие доводы помогают наиболее убедительно обосновать нарушения прав в рамках Конвенции.

После денонсации Беларусью Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах КЛДЖ остается единственным договорным органом ООН, в который можно подавать индивидуальные сообщения на нарушения Республикой Беларусь прав человека.

Пособие состоит из двух основных частей. В первой части рассматриваются вопросы приемлемости индивидуальных сообщений. Здесь подробно объясняется, как Комитет оценивает возможность принятия дела к рассмотрению, и приводятся примеры, когда сообщения признавались неприемлемыми, например, из-за неисполнения требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты, отсутствия связи (несовместимости) с положениями Конвенции или недостаточности обоснований.

Вторая часть посвящена анализу дел, рассмотренных Комитетом. Авторки настоящего пособия изучили практику КЛДЖ (148 дел) и классифицировали вынесенные Комитетом мнения по различным тематикам. В пособии отражены темы, которые показались авторкам наиболее интересными, актуальными и применимыми для потенциальных жалоб с учетом белорусского контекста. В частности, во второй части пособия представлены дела, связанные с изнасилованием, домашним насилием, торговлей людьми, нарушениями прав ЛБТК+ женщин, условиями содержания в местах несвободы, высылкой.

В конце пособия приводится список сообщений, поданных в КЛДЖ, их тематика и принятые по ним решения.

Мы надеемся, что это пособие будет полезным и поможет лучше разобраться в практике КЛДЖ, а также вдохновит на активное применение механизмов Комитета. Мы также верим, что благодаря нашей работе количество качественно подготовленных сообщений увеличится, что приведет к большему числу успешных дел, созданию важных прецедентов и, в конечном итоге, укреплению прав женщин.

Глава 1. Критерии приемлемости по делам о дискриминации в отношении женщин

Прежде чем рассмотреть дело по существу, Комитет разрешает вопросы приемлемости сообщения. Критерии приемлемости содержатся в статьях 2-4 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее – Факультативный протокол). Ниже будут приведены примеры того, каким образом Комитет на практике рассматривает отдельные критерии приемлемости.

1.1. Статус жертвы

Согласно ст.2 Факультативного протокола сообщения могут направляться подпадающими под юрисдикцию Государства-участника лицами или группами лиц или от их имени, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения этим Государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Конвенции.

Чтобы иметь статус жертвы, автор должен показать, каким образом имеющееся нарушение затронуло его лично.

Например, в деле **Dayras et al. v. France** (CEDAW/C/44/D/13/2007) семь гражданок Франции заявляли о дискриминационном характере законодательства, ограничивавшего права женщин (по сравнению с правами мужчин) на передачу детям своей фамилии. Две заявительницы утверждали, что решили не иметь детей, т.к. в соответствии с французским законодательством они не могли дать им свою фамилию. КЛДЖ согласился, что закон носит дискриминационный характер, но поскольку вышеуказанные заявительницы не имели детей, действовавшее французское законодательство о передаче фамилий детям их лично не ущемляло (п.10.5–10.7). На этом основании Комитет признал сообщение неприемлемым в отношении этих двух авторок в соответствии со ст.2 Факультативного протокола.

Еще одним примером является дело **Polish Society of Anti-Discrimination Law v. Poland** (CEDAW/C/73/D/136/2018). Польская неправительственная организация утверждала, что является жертвой дискриминации в связи с отказом государства возбуждать уголовное дело по жалобе данной организации против издателей пособия по английскому языку, в котором предположительно одобрялись изнасилования. Организация-автор отметила, что действует не только в общественных интересах, но также от имени своих членов и сотрудников, которые были непосредственно затронуты отсутствием защиты от гендерного насилия. При этом каких-либо доверенностей от своих членов или сотрудников организация не предоставила, их имена в сообщении

не указала. Кроме того, на национальном уровне никто лично не обращался в государственные органы с жалобами на нарушения их прав автором или издателем вышеуказанного пособия. Комитет напомнил свою практику, согласно которой Факультативный протокол исключает жалобы *actio popularis*, и признал сообщение неприемлемым согласно ст.2 Факультативного протокола.

Комитет может признать сообщение неприемлемым, если придет к выводу, что заявительницы утратили статус жертв. Так, к примеру, было в деле **A.J. v. United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland** (CEDAW/C/74/D/126/2018). Заявительницы были активистками и/или были связаны с политическими группами, проводящими кампании за экологическую и/или социальную справедливость. В различные периоды в 1987–2009 годах заявительницы вступали в интимные отношения с мужчинами, которые, как впоследствии оказалось, являлись сотрудниками полиции, работавшими под прикрытием. Эти сотрудники использовали фальшивые личные данные и выдавали себя за самоотверженных политических активистов. Отношения, которые сотрудники строили с заявительницами, длились от семи месяцев до девяти лет. Многие сотрудники резко прекращали отношения с авторками без объяснения причин.

Всем заявительницам был нанесен психологический ущерб, когда они обнаружили, что их партнер или бывший партнер является или являлся сотрудником полиции под прикрытием. Такой обман причинил им психологический ущерб и подорвал их способность продолжать активистскую деятельность. Сотрудники, которые вступали в отношения с активистками, и их начальство не были привлечены к ответственности за совершенные злоупотребления. Заявительницы подавали гражданские иски, но были вынуждены заключить мировые соглашения. В 2015 году полиция опубликовала извинения перед всеми авторками и заверила, что такие ситуации впредь ни с кем не должны повторяться.

С учетом сумм компенсационных выплат, оплаты юридических издержек авторок и текста публичных извинений Комитет пришел к выводу, что мировое соглашение, заключенное авторками, не могло считаться явно несправедливым и не являлось результатом чрезмерного давления, и в связи с этим «авторки утратили статус жертв, когда они заключили мировое соглашение, полностью и окончательно удовлетворив свои претензии на национальном уровне» (п.6.5).

Несмотря на то, что Конвенция касается прав женщин и, казалось бы, жертвами нарушений могут быть только женщины, Комитет принял иную позицию.

В практике КЛДЖ имеется несколько дел, где жертвами выступали женщины, действовавшие в интересах себя и сыновей или мужей. Но имеются и дела, где жертвами выступают мужчины.

В деле **J.S. v. United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland** (CEDAW/C/53/D/38/2012) автором являлся мужчина. Из-за законодательства,

действовавшего на момент его рождения (1948 год), его мать не могла передать ему свое подданство Соединенного Королевства и Колоний. Автор утверждал, что он являлся жертвой дискриминации, имеющей длящийся характер. Государство-участник оспаривало приемлемость дела, т.к. «автор сообщения, будучи мужчиной, не является жертвой нарушения Конвенции» (п.4.9), и не автор, а его мать имела бы право на защиту. В данном деле автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты, поэтому КЛДЖ признал сообщение неприемлемым в соответствии с п.1 ст.4 Факультативного протокола. Вопрос о возможности либо невозможности мужчины быть жертвой нарушения Конвенции Комитет не рассматривал.

Однако в деле **Matson et al v. Canada** (CEDAW/C/81/D/68/2014) КЛДЖ четко высказал свою позицию касательного данного вопроса. В этом деле автором был мужчина, который подал сообщение в отношении себя, дочери и сына. Дело касалось последствий дискриминационной политики в отношении женщин, принадлежащих к коренным народам, и их потомков.

С 1876 года в Канаде действовал Закон об индейцах, согласно которому женщин лишали статуса индейца, если они выходили замуж за мужчин, не принадлежавшим к коренным народам. Таким образом, передача статуса индейца осуществлялась только по мужской линии.

Бабушка автора принадлежала к народности сквомиш. В 1927 году она вышла замуж за мужчину, не принадлежавшего к коренным народам. Вследствие этого она перестала рассматриваться государством-участником как представительница коренного народа и не могла передать такой статус потомкам.

Согласно поправкам в Закон 2011 года все внуки женщин, которые лишились статуса индейца после заключения брака с женщиной без статуса, получили право на такой статус. Однако их способность передавать статус индейца уже собственным детям зависела от статуса другого родителя. После принятия данных поправок в Закон автор получил право на статус индейца, но его дети такого права не имели, так как родились от женщины, не относящейся к коренному населению.

Подобных ограничений не было у потомков мужчин-представителей коренных народов: мужчины никогда не лишались своего статуса индейца и поэтому могли передавать его своим детям.

Автор заявлял о давней и продолжающейся, закрепленной в законе дискриминации по признаку пола в отношении женщин из числа коренных народов и их потомков, «что приводит к культурной ассимиляции коренных народов в результате отрицания их основополагающего права на определение своей идентичности».

После подачи сообщения в КЛДЖ государство утверждало, что сообщение должно быть признано неприемлемым в соответствии со ст.2 Факультативного

протокола, поскольку, будучи мужчиной, его автор не может утверждать, что является жертвой нарушений.

Комитет же пришел к выводу о том, что статус жертвы может быть не только у женщин: «[...] статья 2 Факультативного протокола устанавливает, что сообщения могут быть представлены «отдельными лицами» или от их имени и что статус жертвы не ограничивается «женщинами». [...] заявленные нарушения являются следствием пола предка автора сообщения и не были бы совершены, если бы статус коренного жителя был унаследован автором не от бабушки, а от деда. [...] Комитет считает, что лиц женского и мужского пола (в том числе автора и его детей), являющихся потомками женщин из числа коренных народов, которые утратили свой статус коренных жителей и право на определение собственной идентичности из-за гендерного неравенства, установленного государством-участником в одностороннем порядке, следует квалифицировать как прямых жертв согласно Факультативному протоколу, поскольку вред, о котором они говорят, является прямым результатом дискриминации по признаку пола в отношении их потомков по материнской линии» (п.17.3).

Комитет рассмотрел данное сообщение и пришел к выводу о нарушении прав автора сообщения и его детей.

Что касается подачи сообщения «от имени жертвы», то весьма интересной является практика КЛДЖ по делу **V.C. v. Republic of Moldova** (CEDAW/C/76/D/105/2016), в котором автором являлась неправительственная организация, не имевшая доверенности от умершей жертвы.

В.С. являлась женщиной с инвалидностью. Она регулярно подвергалась домашнему насилию со стороны мужа. Когда В.С. сообщила мужу о намерении развестись, он нанес ей несколько ударов по голове топором. В.С. выжила, но через несколько месяцев умерла от осложнений, вызванных полученными травмами. В дальнейшем ее муж был осужден за ее убийство.

В.С. являлась сиротой, у нее не было ближайших родственников. Автор – организация «Промо-лекс» – не имела согласия В.С. на подачу сообщения в КЛДЖ в ее интересах. Комитету было предоставлено согласие от имени П. – соседки, подруги и исполнительницы завещания В.С.

Решая вопрос о приемлемости, Комитет отметил, что «сообщения могут представляться без согласия жертвы, когда а) жертва не может представить сообщение или назначить представителя, например в случае смерти, или б) когда автор может обосновать свои действия от имени жертвы без явно выраженного согласия. В последнем случае автор должен в письменной форме обосновать причины действия без получения такого согласия» (п.6.3).

Комитет учел конкретные обстоятельства данного дела и уязвимое положение, в котором находилась В.С., пока была жива, и пришел к выводу, что организация надлежащим образом обосновала свои действия от имени В.С. без ее явно выраженного согласия. Комитет посчитал, что «согласие на то, что неправительственная организация «Промо-лекс» может выступить в качестве

автора настоящего сообщения, отвечает интересам правосудия и недопущения безнаказанности» (п.6.7). Сообщение было признано приемлемым и было рассмотрено.

1.2. Исчерпание внутренних средств правовой защиты

Согласно п.1 ст.4 Факультативного протокола Комитет не рассматривает сообщение, пока он не удостоверится в том, что все доступные внутренние средства правовой защиты были исчерпаны, за исключением случаев, когда применение таких средств защиты неоправданно затягивается или вряд ли принесет искомый результат.

Бремя доказывания эффективности того или иного средства правовой защиты возлагается на государство: «Комитет считает, что именно государства-участники Факультативного протокола должны представлять доказательства того, что определенные средства правовой защиты имеют актуальность в рамках рассматриваемого дела и что в конкретных обстоятельствах заявителей применение этих средств могло бы принести искомый результат»¹. Государства-участники должны не просто пояснить, какие средства правовой защиты предусмотрены законодательством, но и привести разъяснения или примеры, «показывающие, что в рассматриваемых обстоятельствах эти средства правовой защиты были применимы и могли бы возыметь эффект»².

Комитет не считает эффективными средствами правовой защиты обращения к омбудсмену³ или в надзорные инстанции⁴.

При этом если некие средства правовой защиты не использовались вовсе, автор должен обосновать, что «применение средств правовой защиты в судах государства-участника неоправданно затягивается или вряд ли принесет искомый результат»⁵.

¹ S.N., E.R. v. North Macedonia (CEDAW/C/75/D/107/2016), п.8.6.

² S.N., E.R. v. North Macedonia (CEDAW/C/75/D/107/2016), п.8.6.

³ K.K. v. Russian Federation (CEDAW/C/72/D/98/2016), п.8.4: «Комитет ссылается на прецеденты из правовой практики Комитета по правам человека и Европейского суда по правам человека, в соответствии с которыми институт омбудсмена не является эффективным средством правовой защиты. Комитет не видит оснований для того, чтобы в рассматриваемом деле прийти к иному выводу по этому вопросу».

⁴ E.D. and M.D. v. Belarus (CEDAW/C/87/D/157/2020), п.6.3: «[...] ходатайства к председателю суда о пересмотре в порядке надзора судебных решений, вступивших в законную силу, зависят от дискреционных полномочий судьи и являются чрезвычайным средством правовой защиты. [...] в данном случае государство-участник не показало, применялась ли успешно в делах, подобных рассматриваемому делу, процедура подачи председателю Верховного суда ходатайства о пересмотре в порядке надзора и если применялась, то как часто. Комитет также отмечает, что обращение в прокуратуру с ходатайством о пересмотре вступивших в законную силу судебных решений не является средством правовой защиты».

⁵ См., например, M.A.M.N. v. United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland (CEDAW/C/76/D/141/2019), п.6.7.

До обращения в КЛДЖ «автор должен затронуть в рамках национального разбирательства суть претензии, которую он или она желает довести до Комитета, с тем чтобы местные компетентные органы и/или суды могли рассмотреть такую претензию»⁶.

В одном из своих первых дел – **Kayhan v. Türkiye** (CEDAW/C/34/D/8/2005) – Комитет подчеркнул, что жертва, которую уволили из школы за ношение платка на голове, оспаривала увольнение по девяти различным основаниям, ни одно из которых не являлось дискриминацией по признаку пола (п.7.6). КЛДЖ отметил, что заявительнице «следовало выдвинуть аргументы, в которых затрагивался бы вопрос о дискриминации по признаку пола по существу дела [...] перед теми административными органами, в которые она обращалась, прежде чем представлять сообщение в Комитет». Ввиду того, что вопрос дискриминации не поднимался на национальном уровне, Комитет признал сообщение неприемлемым в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты.

Судя по практике, со временем подход КЛДЖ стал более лояльным к неупоминанию дискриминации при исчерпании внутренних средств правовой защиты: «автор по существу и в меру своих возможностей изложила свои утверждения [...], хотя и не во всех подробностях с самого начала внутреннего разбирательства, что давало национальным властям возможность изучить эти утверждения. Поэтому Комитет считает, что статья 4 (1) Факультативного протокола не является препятствием для признания сообщения приемлемым»⁷.

1.3. Рассмотрение в соответствии с другой процедурой международного разбирательства

Согласно п.2(а) ст.4 Факультативного протокола Комитет объявляет сообщение неприемлемым, если тот же вопрос уже был рассмотрен Комитетом или рассматривался или рассматривается в соответствии с другой процедурой международного разбирательства или урегулирования.

При этом, если иной международный орган рассмотрел только вопрос приемлемости аналогичного сообщения, но не рассмотрел его по существу, то нарушение п.2(а) ст.4 Факультативного протокола не будет иметь места: «[...] Жалоба, поданная автором (ходатайство № 36201/12), была признана неприемлемой Европейским судом 20 декабря 2012 года за несоответствие критериям приемлемости, изложенным в статьях 34 и 35 Европейской

⁶ См., например, *K.B. v. United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland* (CEDAW/C/74/D/106/2016), п.8.4; *A v. Russian Federation* (CEDAW/C/81/D/137/2018), п.6.4; *N. v. Netherlands* (CEDAW/C/57/D/39/2012), п.6.3.

⁷ *S.T.H. v. Switzerland* (CEDAW/C/87/D/165/2021), п.7.6. См. также *M.A. v. Switzerland* (CEDAW/C/80/D/145/2019), п.6.4.

конвенции о правах человека. Комитет отмечает, что решение Суда относилось только к процедурным основаниям, связанным с критериями приемлемости, и не предоставило достаточной аргументации или части информации, позволяющей Комитету считать, что Европейский суд действительно рассматривал это дело по смыслу пункта 2(a) статьи 4 Факультативного протокола»⁸.

1.4. Совместимость с положениями Конвенции

Согласно п.2(b) ст.4 Факультативного протокола сообщение является неприемлемым, если оно несовместимо с положениями Конвенции.

В деле **Matson et al v. Canada** (CEDAW/C/81/D/68/2014)⁹ государство заявляло о неприемлемости сообщения, т.к. различие, о котором говорил автор, проводилось не по признаку пола, а по родословной, что не являлось основанием для дискриминации по смыслу Конвенции. Тем не менее, КЛДЖ пришел к выводу, что «государство-участник неоднократно признавало наличие гендерного неравенства в положениях Закона об индейцах [...]. Кроме того, Комитет считает, что сообщение автора касается различий между людьми в зависимости от их материнской или отцовской линии, что наделяет Комитет правом рассмотреть его» (п.17.6).

1.5. Достаточное обоснование

В практике КЛДЖ имеется значительное количество дел, признанных неприемлемыми в связи с их недостаточным обоснованием в соответствии с п.2(c) ст.4 Факультативного протокола. Много таких дел было рассмотрено по жалобам на высылку (депортацию): Комитет приходил к выводам о том, что возвращения заявительниц в страны их происхождения не будут сопряжены «с реальной, личной и предсказуемой угрозой серьезных форм гендерного насилия»¹⁰.

К примеру, в деле **N. v. Netherlands** (CEDAW/C/57/D/39/2012) Комитет посчитал, что «автору не удалось в достаточной степени обосновать для целей приемлемости свои утверждения о том, что из-за отказа государства-участника предоставить ей убежище ей угрожает личная и предсказуемая опасность подвергнуться серьезным формам гендерного насилия в случае ее возвращения в Монголию и что органы власти Монголии не предоставили или

⁸ T.N. v. Denmark (CEDAW/C/59/D/37/2012), п.12.4.

⁹ Обстоятельства дела изложены выше.

¹⁰ См., например, K.S. v. Denmark (CEDAW/C/65/D/71/2014), п.9.9; M.S. v. Denmark (CEDAW/C/55/D/40/2012), п.7.8; M.K.M. v. Denmark (CEDAW/C/71/D/81/2015), п.4.3.

не обеспечат предоставление ей эффективной защиты от таких форм насилия» (п.6.11). В деле **D.N.S. v. Denmark** (CEDAW/C/81/D/144/2019) Комитет указал, что «хотя автор не согласна с выводами национальных властей, она не указала никаких обстоятельств, которые власти не приняли должным образом во внимание или которые свидетельствовали бы о явном произволе или отказе в правосудии при оценке предъявленных им фактов и доказательств» (п.6.9).

Недостаточно обоснованными признавались сообщения и в иных категориях дел. К примеру, в деле **B.M. v. Switzerland** (CEDAW/C/83/D/132/2018) авторка заявляла, что закон кантона Во, согласно которому супруги несут солидарную ответственность по налоговым обязательствам друг друга (даже в случае раздельного проживания) представляют собой косвенную дискриминацию в отношении женщин. Однако КЛДЖ указал, что «автор не обосновала — применительно к вопросу о приемлемости — дискриминационный характер, будь то прямо или косвенно, пункта 1 статьи 14 закона кантона Во о прямых кантональных налогах» (п.12.8).

1.6. Злоупотребление правом на направление сообщения

На практике КЛДЖ не признавал какие-либо сообщения неприемлемыми по п.2(d) ч.4 Факультативного протокола. Однако в деле **V.C. v. Republic of Moldova** (CEDAW/C/76/D/105/2016) несколько членов Комитета представили совместное мнение, в котором выразили свое несогласие с выводом Комитета о приемлемости сообщения, отметив, что неправительственная организация, «не будучи жертвой ни в прямом, ни в косвенном смысле слова, не смогла обосновать, что имеет право или возможность действовать от имени жертвы без ее согласия». В связи с этим члены Комитета утверждали, что сообщение равносильно злоупотреблению процедурой представления сообщения и является неприемлемым¹¹.

1.7. Факты имели место после вступления в силу Факультативного протокола

Одним из примеров, когда КЛДЖ признал сообщение неприемлемым *ratione temporis* в соответствии с п.2(e) ст.4 Факультативного протокола, является дело **N.P. v. Ukraine** (CEDAW/C/68/D/95/2015). Комитет отметил, что «факты, касающиеся увольнения автора с работы и последующего трудового спора, предшествуют ратификации Украиной Факультативного протокола. С

¹¹ Тем не менее, дело, как было указано выше, все же было рассмотрено.

учетом материалов дела Комитет отмечает, что последний пересмотр дела автора по трудовому законодательству проводился Черниговским областным судом 7 мая 2001 года, в то время как Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника 26 декабря 2003 года. В своем сообщении автор не указала, какие факты дискриминации продолжали иметь место после вступления Факультативного протокола в силу и какими были исключительные обстоятельства, с учетом которых национальные суды должны были возобновить разбирательство по ее делу» (п.6.3). При таких обстоятельствах КЛДЖ признал сообщение неприемлемым *ratione temporis*.

Напротив, в деле **Matson et al v. Canada** (CEDAW/C/81/D/68/2014)¹² Комитет указал, что начало предполагаемой дискриминации приходится на 1927 год, когда бабушка автора утратила право на статус представительницы коренного населения. Однако дальнейшие законодательные поправки, которые только закрепляли проявления дискриминации, вступили в силу после 2003 года, то есть после вступления в силу Факультативного протокола для Канады. «Таким образом, предполагаемое невыполнение государством-участником своей обязанности защитить автора жалобы и его детей от заявленных нарушений имело место после признания государством-участником компетенции Комитета в соответствии с Факультативным протоколом» (п.17.7).

В деле **Alonzo et al. v. Philippines** (CEDAW/C/84/D/155/2020) заявительницы-гражданки Филиппин были обращены в сексуальное рабство военнослужащими Императорской армии Японии во время Второй мировой войны¹³. Начиная с 1998 года авторки обращались к филиппинским властям с просьбой о помощи в подаче иска против японских должностных лиц и военных, ответственных за создание системы сексуального рабства, но им было отказано. Комитет согласился с позицией авторок о том, что предмет сообщения относится главным образом не к существовавшей в военное время системе сексуального рабства, созданной Японией, а к продолжающейся дискриминации со стороны Филиппин, которые отказывались помогать авторкам в восстановлении их прав. Комитет указал, что «начиная с 2003 года, когда Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника, оно было обязано признать факт продолжающейся дискриминации, от которой страдают авторки, и обеспечить в связи с этим эффективные и надлежащие средства правовой защиты, а также незамедлительно предоставить компенсацию» (п.8.5). В связи с этим сообщение было признано приемлемым.

¹² Обстоятельства дела изложены выше.

¹³ Обстоятельства дела подробнее описаны в главе 3.

Глава 2. Домашнее насилие

В п.6 Общей рекомендации КЛДЖ №19 указано, что определение дискриминации в отношении женщин (содержащееся в ст.1 Конвенции) включает в себя гендерное насилие, т.е. «насилие, совершаемое над женщиной в силу того, что она – женщина, или насилие, которое непропорционально воздействует на женщину». В данной Общей рекомендации КЛДЖ затрагивает отдельные случаи гендерного насилия и дает рекомендации государствам о способах предотвращения такого вида насилия. Общая рекомендация КЛДЖ №35 о гендерном насилии в отношении женщин дополняет и обновляет Общую рекомендацию № 19 и предоставляет государствам-участникам дальнейшие руководящие указания по скорейшему искоренению гендерного насилия в отношении женщин.

Домашнее насилие является одним из видов гендерного насилия. В ст.3(b) Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульской конвенции) домашнее насилие определяется как акты физического, сексуального, психологического или экономического насилия, происходящие в кругу семьи, в бытовых условиях, или между нынешними или бывшими супругами и партнерами, независимо от совместного проживания с потерпевшим. Комитет включает в понятие семьи «расширенный» круг родственников, в том числе родственников супруга. Такой подход позволяет учитывать широкий спектр ситуаций, в которых могут возникать случаи насилия.

Ссылаясь на Общую рекомендацию №19, Комитет отмечает в решениях, касающихся домашнего насилия, что «дискриминация по смыслу положений Конвенции не ограничивается действиями правительств или от их имени» и что «согласно общему международному праву и конкретным пактам о правах человека, государства также могут нести ответственность за действия частных лиц, если они не предпринимают должных мер для предотвращения нарушений прав или расследования актов насилия и наказания виновных, а также для предоставления компенсации пострадавшим»¹⁴.

Аналогично Стамбульская конвенция подчеркивает, что государства несут ответственность не только за действия своих представителей, но и за бездействие в отношении актов насилия, совершаемых частными лицами (ст.5).

На основании этих положений в рассмотренных делах по сообщениям о домашнем насилии Комитет анализировал, как государство выполняло свои обязательства по защите от насилия, проведению расследования, привлечению виновных к ответственности, обеспечению компенсации пострадавшим. Можно выделить следующие типы нарушений со стороны государства, на которые

¹⁴См., например, *Goekce v. Austria* (CEDAW/C/39/D/5/2005), п.12.1.1; *H.H., I.H. and Y.H. v. Georgia* (CEDAW/C/80/D/140/2019), п.7.2; *Angela González Carreño v. Spain* (CEDAW/C/58/D/47/2012), п.9.6.

обращает внимание КЛДЖ: а) отсутствие эффективной защиты от домашнего насилия; б) стереотипное, дискриминационное представление о домашнем насилии и о роли женщины в браке; в) оправдание насилия культурными обычаями и традициями; г) неэффективность расследования и рассмотрения дела, а также непредоставление всеобъемлющей поддержки и компенсации жертвам домашнего насилия.

а) Отсутствие эффективной защиты от домашнего насилия.

В вопросах домашнего насилия власти часто игнорируют или преуменьшают его серьезность, считая домашнее насилие исключительно внутрисемейной или частной проблемой. Эпизоды насилия рассматриваются как единичные случаи, а не как проявление систематического поведения агрессора. В своих решениях Комитет неоднократно выявлял такие проблемы, как неспособность предотвратить повторные нападения, отсутствие своевременных мер (таких как охранные ордера или аресты агрессоров), отсутствие бесплатной юридической помощи, а также недостаток или отсутствие мест в приютах.

Рассматривая сообщение **Goekce v. Austria** (CEDAW/C/39/D/5/2005), Комитет отметил, что убийству жертвы Шахиды Гёкче ее мужем Мустафой Гёкче предшествовали многочисленные акты насилия с его стороны, которые были известны государству. Несмотря на выданные охранные ордера, муж жертвы продолжал жить с ней и их детьми, о чем государству также было известно. Мустафа Гёкче застрелил Шахиду Гёкче из пистолета, который он купил за три недели до этого, несмотря на действовавший на этот момент в отношении него запрет на владение оружием; о покупке оружия полицией также было известно. Жертва звонила в службу экстренной помощи за несколько часов до гибели, однако патрульная машина на место преступления так и не была направлена.

Комитет пришел к выводу, что «при таком сочетании факторов полиция знала или должна была знать, что Шахида Гёкче подвергается серьезной опасности; она должна была отнестись к ее последнему звонку как к чрезвычайному происшествию [...]. Комитет считает, что в свете длительной серии скандалов и побоев на полицию, которая не отреагировала незамедлительно на звонок, можно возложить ответственность за непринятие должных мер в целях защиты Шахиды Гёкче» (п.12.1.4).

В деле **S.T. v. Russian Federation** (CEDAW/C/72/D/65/2014) рассматриваются случаи жестокого обращения, которому подвергалась заявительница со стороны своего мужа, г-на Тимагова. Первый серьезный инцидент произошёл, когда он избил её лопатой до потери сознания. У неё диагностировали черепно-мозговую травму и гематомы, но она отказалась от госпитализации, опасаясь огласки. Несмотря на тяжесть нападения, Тимагов был всего лишь оштрафован. Во второй раз Тимагов атаковал авторку с топором, ударив по

голове. После того как она потеряла сознание, Тимагов оставил её истекать кровью, не оказав помощи, и запретил родственникам приближаться к месту инцидента. В результате полученных травм и проведённых операций авторке была установлена II группа инвалидности.

В данном деле Комитет пришел к выводу, что «будучи лишенной надлежащей государственной защиты, авторка подвергалась жестокому физическому и психологическому гендерному насилию, при этом она постоянно подвергалась жестокому обращению со стороны тогдашнего мужа (ныне бывший муж) и получила повторную травму, когда государственные органы, которые должны были быть ее защитниками, в частности полиция и суд, не смогли предотвратить насилие» (п.9.12).

В своей практике Комитет подчеркивал необходимость предоставления жертвам домашнего насилия доступных и эффективных мер защиты.

Рассматривая дело **S.T. v. Russian Federation** (CEDAW/C/72/D/65/2014), Комитет отметил, что «автор никогда не имела доступа ни к приютам, ни к бесплатной юридической помощи и представительству, как и не могла обратиться с ходатайством о вынесении запретительного судебного приказа или охранный ордера, поскольку такие меры не предусмотрены законом» (п.9.8).

В деле **V.K. v. Bulgaria** (CEDAW/C/49/D/20/2008) авторка пыталась получить помощь в единственном в южной Болгарии приюте для женщин, пострадавших от насилия, но из-за переполненности приют не смог предоставить ей и детям место сразу. Комитет признал, что отсутствие мест в приютах является нарушением государством-участником своего обязательства по пунктам (с) и (е) статьи 2 Конвенции об обеспечении безотлагательной защиты женщин от насилия, включая насилие в семье (п.9.13).

В деле **Fatma Yildirim v. Austria** (CEDAW/C/39/D/6/2005) австрийское государство предприняло ряд мер для защиты жертвы от насилия со стороны мужа. Полиция издала распоряжение о выселении Ирфана Йилдирима – мужа жертвы – из квартиры, запретила ему возвращаться туда, посещать место работы Фатьмы и контактировать с ней и её дочерью, уведомила Центр защиты от домашнего насилия и Центр социальной защиты молодёжи. Кроме того, полиция неоднократно проводила с Ирфаном Йилдиримом беседы, пытаясь держать ситуацию под контролем.

Тем не менее Комитет признал действия государства недостаточными, поскольку оно не предприняло решительных мер для задержания Ирфана Йилдирима. Комитет указал, что сложившаяся ситуация была исключительно опасной для Фатьмы Йилдирим, о чём австрийские власти были или должны были быть осведомлены. С учётом этого прокурор не должен был отказываться удовлетворить запросы полиции о выдаче санкции на арест Ирфана Йилдирима.

В данном деле государство утверждало, что на тот момент выдача ордера на арест была бы непропорционально жёсткой мерой. В ответ на это Комитет отметил, что «обеспечение прав правонарушителя не может иметь преимущественной силы по сравнению с обеспечением прав женщин на жизнь и охрану их психического и физического здоровья» (12.1.5).

К аналогичным выводам пришел Комитет в деле **Goekce v. Austria** (CEDAW/C/39/D/5/2005). Поведение Мустафы Гёкче (угрозы, запугивания и побои) явно носило характер насилия, о чем было известно прокурору, который должен был удовлетворить просьбу полиции об аресте Мустафы Гёкче. В связи с этим Комитет отметил, что «хотя государство-участник совершенно обоснованно заявляет, что в каждом конкретном случае необходимо определять, не является ли заключение под стражу соразмерным посягательством на такие базовые права и основные свободы лица, совершающего акты бытового насилия, как, например, право на свободу передвижения и на справедливое судебное разбирательство, Комитет, [...] считает, что права агрессора не могут возобладать над правами женщин на жизнь и на физическое и психическое здоровье» (12.1.5).

Комитет указал на отсутствие реальных мер по защите жертвы домашнего насилия и в деле **Н.Н., I.H. and Y.H. v. Georgia** (CEDAW/C/80/D/140/2019). Когда жертве угрожала опасность со стороны семьи, полиция временно разместила ее у местного старосты, но затем вернула домой, так как родственники предоставили письменное заверение того, что ей не будет причинен вред. На следующий день жертву нашли повешенной. Комитет отметил, что «предупредительные письма», подобные тому, которое фигурировало в этом деле, не имеют юридической силы и не обеспечивают эффективной защиты жертв насилия (п.7.4).

Аналогичные «предупредительные письма» фигурировали в деле **X и Y v. Georgia** (CEDAW/C/61/D/24/2009), где X вышла замуж за своего насильника, руководствуясь соображениями сохранения достоинства. После заключения брака она подвергалась систематическому насилию. Жалобы X в полицию приводили к тому, что сотрудники ограничивались взятием письменных обязательств от её мужа о прекращении насилия. Несмотря на тяжесть обвинений, рассмотрение дела по первоначальной жалобе X было прекращено, поскольку заявительница ее отозвала. Все последующие жалобы X отклонялись под предлогом отсутствия состава преступления, а судебные органы постановляли, что дела лишены оснований. Эти обстоятельства не отрицались государством, которое просто указало, что адвокат X не смог опровергнуть доказательства, собранные прокуратурой.

Комитет в данном деле пришел к выводу, что «органы власти не выполнили свои обязанности и не приняли соответствующие законодательные и другие меры, включая санкции, запрещающие насилие в отношении женщин в качестве одной из форм дискриминации в отношении женщин; не установили

юридическую защиту прав женщин на равной основе с мужчинами и не обеспечили с помощью компетентных судов и других государственных учреждений эффективную защиту женщин от дискриминации» (п.9.7).

b) Стереотипное, дискриминационное представление о домашнем насилии и о роли женщины в браке.

Стереотипные и дискриминационные подходы заключаются в узком и предвзятом понимании домашнего насилия как исключительно физического насилия и игнорировании действий, причиняющих психологический и экономический вред, а также в традиционных представлениях о роли женщины в браке.

Согласно Стамбульской конвенции государства обязаны искоренять предрассудки, традиции и обычаи, основанные на стереотипных представлениях о роли женщин и мужчин (ст.12), а также принимать законодательные и практические меры для обеспечения права женщин жить без насилия в общественной и частной сферах (ст.4).

В деле **V.K. v. Bulgaria** (CEDAW/C/49/D/20/2008) авторка, которая на протяжении нескольких лет подвергалась домашнему насилию со стороны мужа, просила суд вынести постоянный приказ о защите. Согласно национальному законодательству заявление о вынесении такого приказа подается в течение одного месяца с даты совершения акта домашнего насилия. В связи с этим авторка ссылалась на конкретный факт (нанесение мужем удара), имевший место за несколько дней до обращения в суд. Однако национальные суды при рассмотрении жалобы заявительницы посчитали, что она не подтвердила тот факт, что нанесенный ей удар являлся актом насилия (п.9.7).

В связи с этим Комитет пришел к выводу, что национальные суды применили крайне высокие стандарты доказанности домашнего насилия, потребовав, чтобы акт совершения бытового насилия был доказан при отсутствии разумного сомнения, тем самым всецело возложив бремя доказывания на авторку. Как отметил Комитет, «такой стандарт доказанности является чрезмерно высоким и не соответствует ни Конвенции, ни современным антидискриминационным стандартам, которые облегчают бремя доказывания, лежащее на потерпевших в ходе гражданских судебных разбирательств по жалобам на бытовое насилие (п.9.9).

Комитет напомнил, что «насилие по признаку пола, представляющее собой дискриминацию [...] не требует доказательств прямой или непосредственной угрозы для жизни или здоровья пострадавшего.[...] Такие проявления насилия не сводятся к действиям, которые наносят физический вред, но включают и действия, которые причиняют ущерб или страдания психического или полового характера, угрозу таких действий, принуждение и другие формы ущемления свободы» (п.9.8). В то же время суды «сосредоточили внимание исключительно на вопросе прямой и непосредственной угрозы для жизни и здоровья автора и

ее физической неприкосновенности, игнорируя эмоциональные и психологические страдания» (п.9.9). Ограничившись рассмотрением инцидентов, которые произошли лишь в течение одного месяца до обращения в суд, суды «неоправданно лишили себя возможности рассмотрения предыстории бытового насилия, описанного автором» (п.9.9).

Как заключил Комитет, продемонстрированные национальными судами подходы в этом деле являются «следствием предвзятого суждения о том, что бытовое насилие в значительной мере является личным делом, относящимся к сфере частной жизни, которая, в принципе, не должна подлежать контролю со стороны государства», исключительное внимание судов к физическому насилию и непосредственной угрозе для жизни и здоровья пострадавшего лица является следствием стереотипного и крайне узкого подхода к пониманию того, что следует считать бытовым насилием (п.9.12).

Заявительница из Гамбии в деле **Isatou Jallow v. Bulgaria** (CEDAW/C/52/D/32/2011) вышла замуж за гражданина Болгарии и оказалась в зависимом положении. Супруг отобрал у неё документы и подвергал психологическому, физическому и сексуализированному насилию. Ей запрещалось выходить из дома или искать работу без его разрешения. Он угрожал ей тюрьмой, психиатрической лечебницей или депортацией в Гамбию, оскорблял её внешний вид, цвет кожи и неграмотность, совращал их общую дочь. В вынесении приказа о защите суд авторке отказал. Когда же муж авторки обратился за защитой, заявив, что именно он является жертвой домашнего насилия, суд встал на его сторону. В результате было вынесено постановление, запрещающее авторке приближаться к супругу и дочери. При вынесении приказа о защите, определившего временную опеку над дочерью, суд учёл лишь показания супруга, проигнорировав заявления авторки о бытовом насилии, зафиксированные социальными службами и полицией.

Комитет пришел к выводу, что авторка и ее дочь являются жертвами гендерной дискриминации, так как государство не смогло защитить равные права авторки как супруги и одного из родителей, а также не смогло принять во внимание интересы ее дочери. КЛДЖ указал, что традиционные взгляды, при которых женщины рассматриваются как подчиненные мужчинам, способствуют насилию. Комитет отметил по данному делу что «в своих мероприятиях власти основывались на стереотипном представлении о превосходстве мужа и о необходимости принимать его мнение всерьёз, игнорируя тот факт, что бытовое насилие затрагивает женщин в значительно большей степени, чем мужчин» (п.8.6).

с) Оправдание насилия культурными обычаями и традициями.

Домашнее насилие процветает в обществах, где вредные установки, предрассудки, гендерные стереотипы и традиции оправдывают или поощряют поведение, ставящее женщин в униженное положение, и позволяют

рассматривать их как существ низшего порядка. Такая культурная почва создает благоприятные условия для насилия против женщин.

В деле **Н.Н., I.H. and Y.H. v. Georgia** (CEDAW/C/80/D/140/2019) Ханум Джейранова стала жертвой нападения со стороны родственников своего мужа, которые посчитали, что она изменяет мужу. Ее жестоко избили и подвергли унижению на глазах односельчан, нанося такие удары, что она несколько раз теряла сознание, а позднее угрожали, вынуждая принять яд. После того как Джейранова обратилась за помощью, власти проигнорировали просьбу о защите, и на следующий день ее обнаружили повешенной. Комитет констатировал, что государство не защитило Джейранову, поскольку в этом деле власти исходили из соображений защиты «чести». Комитет отметил, что «защита чести», наряду с культурой, обычаями, религией и традициями, не должна рассматриваться в качестве оправдания в уголовном процессе. Комитет также указал на необходимость пересмотра уголовного законодательства, а также включение насилия в защиту «чести» в качестве отягчающего вину обстоятельства (п.9(a)).

d) Неэффективность расследования и рассмотрения дела, а также непредоставление всеобъемлющей поддержки и компенсации жертвам домашнего насилия.

В делах о домашнем насилии противоправные действия совершаются не государством, а членами семьи жертвы. Однако, как было указано выше, государство может нести ответственность за такие акты, если оно не проявляет должной заботы для предотвращения нарушений прав, расследования инцидентов, наказания виновных и предоставления компенсаций пострадавшим.

В деле **Н.Н., I.H. and Y.H. v. Georgia** (CEDAW/C/80/D/140/2019) полиция не провела судебно-медицинскую экспертизу тела Ханум Джейрановой, сославшись на отказ семьи, а расследование было прекращено в связи с тем, что жертва якобы покончила с собой из-за «позорного» поведения. При этом законодательство Грузии не предусматривало норм, дающих родственникам право решать вопрос о назначении экспертизы.

Кроме того, жертва являлась этнической азербайджанкой. После избиения она обратилась на азербайджанском языке к сельскому старосте и сотруднику полиции, присутствовавшим на месте, с вопросом, почему виновные в нападении не привлечены к ответственности. Однако староста не перевёл её слова полицейскому, который не владел азербайджанским языком.

Таким образом, жертва подверглась дискриминации и по гендерному, и по этническому признакам. Комитет пришел к выводу, что жестокое обращение с Джейрановой, отказ в проведении вскрытия из-за возражений её родственников (которые ранее избили и оскорбляли её, о чем было известно государственным органам), а также квалификация правоохранительными

органами её поведения как «позорного» и прекращение расследования на этом основании подтверждают, что она стала жертвой перекрёстной дискриминации¹⁵. По мнению Комитета, такое отношение властей свидетельствовало о том, что государство допускало и оправдывало обращение, которому подверглась Джейранова (п.7.7).

Комитет также пришел к выводу, что государство не выполнило свое обязательство по расследованию обстоятельств и наказанию лиц, виновных в жестоком обращении, которому подверглась Джейранова, и ее смерти.

В деле **S.T. v. Russian Federation** (CEDAW/C/72/D/65/2014) суд хотя и признал бывшего мужа авторки виновным в причинении тяжкого вреда ее здоровью, но отказал ей в компенсации морального и материального ущерба, сославшись на нормы национального законодательства, освобождающие от материальной ответственности за действия, совершенные в состоянии аффекта. В связи с этим Комитет напомнил о том, что «в соответствии с пунктом 6 его общей рекомендации № 19 дискриминация по смыслу статьи 1 Конвенции включает в себя насилие в отношении женщин по признаку пола», а в соответствии с пунктом е) статьи 2 ответственность за деяния, совершаемые частными лицами, могут также нести государства-участники, если они не проявляют должной заботы для предотвращения нарушений прав или расследования актов насилия или наказания виновных, а также за предоставление компенсации» (п.9.3). Комитет вынес рекомендацию предоставить автору надлежащую финансовую компенсацию, соразмерную тяжести нарушений ее прав.

В деле **X. v. Timor-Leste** (CEDAW/C/69/D/88/2015) заявительница была осуждена за убийство своего партнера и приговорена к лишению свободы сроком на 15 лет (в дальнейшем она была частично помилована и условно-досрочно освобождена). При рассмотрении уголовного дела в отношении авторки суды не дали надлежащей оценки ее доводам о том, что погибший несколько лет подвергал ее регулярному насилию. Её жалобы, адресованные деревенским старостам и представителям сил обороны, не были переданы в полицию или прокуратуру. Медицинская помощь ей также не предоставлялась. Также Комитет пришел к выводу о неспособности государства предоставить эффективную юридическую помощь от государственных защитников. Комитет заключил, что государство-участник не решило проблему продолжающегося домашнего насилия, не собрало необходимые доказательства, не обеспечило авторке надлежащее обращение, поддержку и консультационные услуги. КЛДЖ рекомендовал государству-участнику предоставить авторке полное помилование и возместить ущерб.

¹⁵ Перекрёстная дискриминация – сочетание нескольких разных форм дискриминации, при котором определённая группа или группы людей оказываются в ещё более невыгодном положении (например, дискриминация женщины одновременно по гендерному и этническому признаку).

Защита мигранток от домашнего насилия

В подавляющем большинстве случаев КЛДЖ рассматривает сообщения против тех государств, на территории которых совершается домашнее насилие. В связи с этим особый интерес представляет дело **О.М. v. Ukraine** (CEDAW/C/73/D/87/2015), где Комитет признал нарушения обязательств со стороны государства-участника при том, что домашнее насилие происходило на территории иного государства.

О.М., гражданка Украины, вышла замуж за гражданина Иордании и переехала к нему в страну. Две дочери, которые родились в этом браке, получили гражданство Украины. Муж неоднократно подвергал О.М. психологическому и физическому насилию. После рождения второго ребенка муж запер О.М. и ребенка в подвале, приносил ей минимальное питание и отказывал ей в лекарствах и теплой одежде для ребенка, кричал и унижал её. Такая ситуация продолжалась несколько месяцев. Старший ребенок в это время находился в Украине. В один из дней авторке удалось связаться по телефону с посольством Украины и попросить помощи, однако ей сообщили, что посольство не может заниматься решением таких семейных споров.

В дальнейшем жалобы на домашнее насилие все же были рассмотрены, и в обоих случаях разбирательства проводились по законам шариата в отсутствие представителя посольства Украины, адвоката и переводчика. Муж авторки сам подал в шариатский суд заявление об установлении опеки над детьми. Ни один представитель посольства не присутствовал на судебном заседании, в ходе которого авторка без какой-либо помощи и без переводчика не могла надлежащим образом защитить себя. По решению суда авторка должна была выехать в Украину и вернуть старшую дочь. В связи с отказом исполнять решение суда авторка подвергалась угрозе заключения под стражу, поэтому она была вынуждена вернуться в Украину. При этом муж не отдал О.М. младшую дочь, и та осталась в Иордании. Авторка в дальнейшем предпринимала попытки возвратить ребенка в Украину, но они не увенчались успехом.

КЛДЖ отметил, что, хотя консульская защита как таковая не подпадает под действие Конвенции, государство-участник обязано защищать своих граждан; при этом отсутствие двусторонних договоров со страной, в которой находится его гражданин, не освобождает государство-участника от этого обязательства. Комитет пришел к выводу, что «консульская защита может иметь особое значение в случаях гендерного или бытового насилия и споров об опеке над детьми. По сути, дипломатическая и консульская защита предусматривает вмешательство государства для защиты своих граждан, которые, находясь за границей, пострадали или могут пострадать от нарушений их прав другим государством» (п.9.4). Авторка сообщения, «будучи иностранкой, находящейся в уязвимом положении, и матерью, исповедующей христианство в государстве, в котором действуют законы шариата, вынуждена была самостоятельно, не имея

достаточного уровня знания языка или законов шариата, не только предстать перед судом, но и иметь дело с родственниками ее бывшего мужа. В результате она потеряла право опеки над одной из своих дочерей и была вынуждена покинуть Иорданию» (п.9.7). Комитет пришел к выводу о том, что бездействие украинских властей в данном деле привело к нарушению прав авторки на получение защиты, помощи и поддержки, полагающихся жертве гендерного насилия (п.9.7).

Глава 3. Сексуализированное насилие

В своем докладе «Изнасилование как серьезное, систематическое и широко распространенное нарушение прав человека, преступление и проявление гендерного насилия в отношении женщин и девочек, а также его предупреждение» (A/HRC/47/26) Специальная докладчица по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях отметила, что «в международной системе прав человека и юриспруденции изнасилование признается нарушением прав человека и проявлением гендерного насилия в отношении женщин и девочек, которое может быть приравнено к пыткам» (п.9). При этом, как отмечала Специальная докладчица, «эти международные стандарты не в полной мере инкорпорированы в законодательство на национальном уровне» (п.10).

При рассмотрении сообщений, касающихся изнасилований, Комитет обращал внимание на такие аспекты, как: а) квалификация изнасилования; б) неэффективность расследования и рассмотрения дела; с) рассмотрение дела на основе гендерных мифов и стереотипов; d) игнорирование особенностей жертвы при рассмотрении дел об изнасиловании; е) непредоставление всеобъемлющей поддержки и компенсации жертвам изнасилования.

а) Квалификация изнасилования.

Законодательство различных стран по-разному определяет само понятие «изнасилования». К примеру, в Уголовном кодексе Республики Беларусь составы таких преступлений как «изнасилование» (статья 166) и «насильственные действия сексуального характера» (статья 167) в качестве обязательного признака предусматривают наличие насилия или угрозы его применения либо же использование беспомощного состояния. При этом международная практика основывается на необходимости определения изнасилования и других видов сексуального насилия через призму отсутствия согласия потерпевших¹⁶, вне зависимости от примененных к ним насилия или угроз насилием.

Комитет считает, что гендерные стереотипы при расследовании и рассмотрении дел об изнасиловании «процветают там, где согласие не предусмотрено законодательством в явной форме как основной признак, квалифицирующий правонарушение»¹⁷.

В сообщении по делу **A.F. v. Italy** (CEDAW/C/82/D/148/2019) заявительница указывала на определение изнасилования в уголовном законодательстве

¹⁶ См., например, Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция), ст.36.

¹⁷ A.F. v. Italy (CEDAW/C/82/D/148/2019), п.7.19.

Италии, в котором не ставится во главу угла отсутствие согласия. По мнению КЛДЖ, именно это привело к тому, что жертва изнасилования столкнулась «с такой степенью проверки», которой не подвергался даже обвиняемый: суд изучал жизнь заявительницы, ее моральный облик, отношения, травмы, семейное положение, статус в отношениях, возраст и многие другие факторы (п.7.19).

КЛДЖ подчеркивал, что «ни в законе, ни в практической деятельности не должно быть никаких презумпций того, что женщина дает свое согласие на сексуальный контакт, если не оказывает физического сопротивления нежелательному сексуальному поведению, независимо от того, угрожал ли преступник применением физического насилия и применил ли такое насилие»¹⁸.

Помимо законодательного определения изнасилования для защиты прав жертвы имеет значение и правильная квалификация совершенного деяния. В деле **S.V.P. v. Bulgaria** (CEDAW/C/53/D/31/2011) семилетняя дочь авторки подверглась сексуальному насилию. Уголовное дело было возбуждено по обвинению в развратных действиях; санкция за данное деяние была ниже, чем за изнасилование, и преступление не признавалось тяжким. Через два года после возбуждения дела суд утвердил соглашение между прокуратурой и обвиняемым, по которому преступник признал себя виновным в совершении развратных действий и был приговорен к лишению свободы сроком на три года с отсрочкой исполнения приговора. Соглашение было бы невозможно заключить, если бы уголовное дело было возбуждено за изнасилование или покушение на изнасилование.

Комитет отметил, что «государство-участник не предоставило какого-либо объяснения причин, по которым акт сексуального насилия в отношении дочери автора преследовался в уголовном порядке по обвинению в развратных действиях, а не в изнасиловании или покушении на изнасилование» (п.9.5). Комитет признал, что в данном деле «государство-участник не выполнило свою обязанность предпринять позитивные действия в соответствии со статьей 2 (b) Конвенции, принять надлежащие положения уголовно-правового характера с целью эффективного наказания изнасилования и сексуального насилия и применить их на практике посредством проведения результативного расследования и уголовного преследования обвиняемого» (п.9.5). Комитет рекомендовал государству-участнику «обеспечить, чтобы все акты сексуального насилия в отношении женщин и девочек, в особенности изнасилования, квалифицировались в соответствии с международными стандартами и являлись предметом эффективного расследования, а совершившие их лица

¹⁸ *Tayag Vertido v. Philippines* (CEDAW/C/46/D/18/2008), п.8.5; *R.P.B. v. Philippines* (CEDAW/C/57/D/34/2011), п.8.9.

преследовались в уголовном порядке и наказывались соразмерно с тяжестью совершенных ими преступлений» (п.10).

б) Неэффективность расследования и рассмотрения дела.

В деле **Tayag Vertido v. Philippines** (CEDAW/C/46/D/18/2008) изнасилование произошло 29 марта 1996 года, и, несмотря на то, что автор незамедлительно прошла медицинское обследование и заявила о произошедшем в полицию, дело было запротokolировано в суде только 7 ноября 1996 года. В этот же день суд выдал ордер на арест предполагаемого насильника, но он был арестован более чем через 80 дней после выдачи ордера. Дело рассматривалось в суде с 1997 по 2005 год. Обвиняемый был оправдан.

Ссылаясь на ст.2(с) Конвенции (обязанность государства установить юридическую защиту прав женщин и обеспечить эффективную защиту их против любого акта дискриминации), Комитет отметил, что для того, чтобы правовая защита была эффективной, «решения по делам об изнасиловании должны приниматься с соблюдением принципов справедливости, своевременности и оперативности» (п.8.1).

В практике КЛДЖ имеется дело, в котором заявительница указывала на неэффективность расследования, но Комитет с ее доводами не согласился: **T.S. v. Russian Federation** (CEDAW/C/66/D/69/2014). В этом деле следовательница провела проверку по факту изнасилования и отказала в возбуждении уголовного дела. Заявительница подала жалобу в суд на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, но суд не рассмотрел ее, т.к. начальник следственного отдела отменил это постановление и поручил еще раз провести доследственную проверку. После дополнительной проверки в возбуждении дела было снова отказано. Потерпевшая подала жалобу в суд, но суд снова не стал рассматривать жалобу, т.к. постановление было отменено начальником следственного отдела и дело было отправлено на доследственную проверку. В дальнейшем ситуация повторилась еще раз.

Авторка подала сообщение в КЛДЖ, утверждая, что «применение всех оставшихся средств правовой защиты привело бы к неоправданному затягиванию соответствующего процесса или вряд ли принесло бы искомый результат с учетом «порочного круга безнаказанности», с которым она уже столкнулась» (п.3.5). Тем не менее, Комитет отметил, что, после того как начальник следственного отдела отменял вынесенное следователем постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, по уголовному делу каждый раз осуществлялись дополнительные следственные действия. При этом в некоторых следственных действиях авторка отказывалась участвовать. В связи с этим Комитет пришел к выводу, что «в данном случае следственный процесс не мог считаться ненадлежащим или неэффективным» (п.8.3), и признал

сообщение неприемлемым в связи с неисчерпанием всех доступных внутренних средств правовой защиты.

с) Рассмотрение дела на основе гендерных мифов и стереотипов.

При рассмотрении сообщений об изнасилованиях Комитет должен определить, «руководствовались ли судебные органы государства-участника гендерными мифами и заблуждениями об изнасиловании, жертвах изнасилования и женщинах в целом и привело ли такое руководство к дискриминационному обращению»¹⁹.

В деле **Tayag Vertido v. Philippines** (CEDAW/C/46/D/18/2008) авторка утверждала, что национальный суд руководствовался различными стереотипами о жертвах изнасилования («при каждой возможности жертва изнасилования должна пытаться спастись», «изнасиловать с использованием запугивания можно лишь жертву, которая является робкой или легко дает себя запугать» и др.) и насильниках («если обвиняемый смог эякулировать, это означает, что жертва изнасилования сексуальному посягательству не сопротивлялась», «трудно поверить, чтобы мужчина на седьмом десятке мог совершить изнасилование») (п.3.5.1-3.5.7). Анализируя текст оправдательного приговора, КЛДЖ пришел к выводу, что судья действительно оценивала обстоятельства дела исходя из многочисленных стереотипов, в том числе о мужской и женской сексуальности, и представлений о «правильном» поведении жертвы изнасилования.

При этом в своем частном мнении член Комитета Йоко Хаяши отметила, что принимать решение по поводу уголовной ответственности обвиняемого не является функцией Комитета. Экспертка не согласилась с утверждением авторки о том, что без гендерных мифов и стереотипов обвиняемый был бы признан виновным, и не считала, что Комитет должен был рассматривать этот вопрос. Экспертка согласилась с мнением Комитета о необходимости выплаты заявительнице денежной компенсации, однако, по ее мнению, эта компенсация полагалась авторке именно в связи с длительностью рассмотрения дела и возможной повторной виктимизацией (см. пункт (b) данной главы), но не в связи с понесенными финансовыми расходами или ущербом от оправдательного приговора. Государство-участник, по мнению Йоко Хаяши, не может быть привлечено к ответственности из-за того, что его судебный орган оправдал обвиняемого.

В деле **R.P.B. v. Philippines** (CEDAW/C/57/D/34/2011) национальный суд указал, что «поведение [автора] не соответствовало поведению обычной филиппинки, инстинкт которой требует, чтобы она употребила все свои силы и свое мужество, чтобы пресечь любую попытку очернить ее честь и запятнать ее

¹⁹ A.F. v. Italy (CEDAW/C/82/D/148/2019), п.7.4.

непорочность. [...] неестественно, когда предполагаемая жертва изнасилования [...] не предпринимает даже слабых попыток освободиться, несмотря на тысячу имеющихся для этого возможностей» (п.2.5). Комитет пришел к выводу о том, что «сами по себе такие выводы суда говорят о наличии сильных гендерных стереотипов, приводящих в результате к дискриминации по признаку пола и гендерной дискриминации и не учитывающих конкретные обстоятельства дела, в частности факт инвалидности автора и ее возраст» (п.8.9).

Комитет подчеркивает, что «наличие стереотипов оказывает воздействие на право женщин на объективное и справедливое судебное разбирательство и что судебные органы обязаны проявлять осторожность, с тем чтобы не создавать жесткие стандарты в отношении того, какими должны быть женщины или девочки и каково должно быть их поведение, когда они подвергаются изнасилованию, с учетом лишь предвзятых представлений о том, что такое жертва изнасилования или же жертва гендерного насилия в более широком понимании»²⁰.

d) Игнорирование особенностей жертвы при рассмотрении дел об изнасиловании.

В деле **R.P.B. v. Philippines** (CEDAW/C/57/D/34/2011) жертвой изнасилования являлась девушка с нарушениями слуха и речи. После заявления о совершенном преступлении она была допрошена, но не понимала содержания протокола допроса, так как он был составлен на языке филиппино, в то время как заявительница изучала жестовый язык, основанный на письменном английском языке. Переводчик заявительнице не был предоставлен. При рассмотрении дела в суде со стороны государства также не был предоставлен перевод на жестовый язык. Переводчица присутствовала на слушаниях только в том случае, если ее вызывала семья заявительницы или если она сама узнавала в суде о времени проведения следующего заседания.

Комитет отметил особую уязвимость заявительницы и указал, что «в обстоятельствах данного дела предоставление услуг переводчика жестового языка было необходимо для обеспечения полноценного и равноправного участия автора в разбирательствах в соответствии с принципом равенства сторон, а, следовательно, и для того, чтобы гарантировать использование ею эффективной защиты от дискриминации» (п.8.7).

е) Непредоставление всеобъемлющей поддержки и компенсации жертвам изнасилования.

В п.31 Общей рекомендации №35 Комитет рекомендовал государствам-участникам принимать различные меры для защиты

²⁰ Tayag Vertido v Philippines (CEDAW/C/46/D/18/2008), п.8.4.

женщин-жертв гендерного насилия, в том числе оказывать медицинскую, юридическую, финансовую и иные виды помощи.

В деле **S.V.P. v. Bulgaria** (CEDAW/C/53/D/31/2011) авторка заявляла о неспособности государства обеспечить ее дочери – несовершеннолетней жертве изнасилования – выплату компенсации и реабилитацию, что равносильно ее дискриминации. Комитет согласился с данным утверждением и признал, что «государство-участник не смогло обеспечить исполнение и применение политик [...] для устранения последствий сексуального насилия, пережитого потерпевшей, и что оно не обеспечило оказание надлежащих медицинских услуг» (п.9.10).

Отсутствие механизмов защиты жертв сексуального насилия от повторной виктимизации со стороны виновных, которые возвращаются в общество после завершения уголовного судопроизводства (п.9.7), неспособность государства предоставить адекватную денежную компенсацию за причиненные жертве боль и страдания (п.9.9) также представляют собой нарушения Конвенции.

Изнасилования и сексуальное рабство во время вооруженных конфликтов

В практике КЛДЖ имеется два дела, в которых факты сексуализированного насилия происходили во время вооруженных конфликтов: **S.H. v Bosnia and Herzegovina** (CEDAW/C/76/D/116/2017) и **Alonzo et al. v. Philippines** (CEDAW/C/84/D/155/2020). В обоих случаях КЛДЖ признал сообщения заявительниц приемлемыми, хоть изнасилования и были совершены до ратификации Конвенции государствами-участниками. Также в обоих случаях поднимались вопросы признания заявительниц пострадавшими от вооруженных конфликтов и предоставления им соответствующих компенсаций.

В деле **S.H. v. Bosnia and Herzegovina** (CEDAW/C/76/D/116/2017) заявительница, хорватка по национальности, стала жертвой изнасилования, предположительно совершенного военнослужащим сил боснийских сербов в августе 1995 года во время конфликта в бывшей Югославии. В сентябре 1995 года заявительница сообщила об изнасиловании в местную полицию, но никаких подробностей произошедшего полиция не выясняла ни у заявительницы, ни у каких-либо свидетелей, никакого осмотра места преступления не проводилось, медицинское освидетельствование авторки также не проводилось. В 2008 году ей сообщили, что материалы дела были сожжены, и какой-либо информации по ее делу не сохранилось. Авторка была вынуждена подать новую жалобу о произошедшем изнасиловании в январе 2009 года, однако эффективное расследование со стороны государства снова не было проведено.

Кроме того, заявительнице было отказано в регистрации ее в качестве гражданского лица, пострадавшего от вооруженного конфликта, что было необходимо для получения социального пособия и поддержки.

Босния и Герцеговина не оспаривала приемлемость сообщения *ratione temporis*. Комитет отметил данное обстоятельство, а также указал, что, «хотя предполагаемое изнасилование произошло в 1995 году, предполагаемое невыполнение государством-участником своих обязательств по предоставлению заявительнице возмещения и права на справедливую и адекватную компенсацию произошло после признания государством-участником компетенции Комитета» (п.7.6). В силу этого Комитет посчитал возможным рассмотреть сообщение.

Заявительница предоставила необходимую информацию о своих попытках выяснить судьбу ее дела. КЛДЖ не согласился с доводами государства о том, что потерпевшая не должна знать о всех мерах, принятых во время расследования, и отметил, что заявительнице «потребуется любое разумное и конкретное объяснение задержек в проведении расследования, с тем чтобы она могла любыми возможными средствами способствовать ускорению процесса», и в связи с этим «государство-участник могло бы предоставить автору информацию общего характера о ходе расследования, сделав это точно, своевременно и адресно и не раскрывая при этом конфиденциальной информации» (п.8.4).

В 2019 году – уже после подачи сообщения в КЛДЖ – заявительница получила статус жертвы сексуального насилия, связанного с конфликтом, и ей была назначена пенсия. Тем не менее, Комитет указал, что «государство-участник не предоставило ей статуса жертвы своевременно, а размер пенсии автора не соизмерим с понесенным ею ущербом, включающим серьезный физический вред» (п.8.8).

В деле **Alonzo et al. v. Philippines** (CEDAW/C/84/D/155/2020) заявительницами выступали 24 жертвы институционализированной системы сексуального рабства, созданной Японией на территории Филиппин во время Второй мировой войны

В период с 1932 по 1945 год 100 000 женщин подверглись сексуальному рабству во время оккупации Филиппин Японией. В 1944 после налёта японских войск на район, где проживали заявительницы, они были насильно вовлечены в вышеупомянутую систему. Авторок заставили маршировать к штабу японских войск в другой местности и держали там от одного дня до трех недель. Женщин неоднократно подвергали изнасилованию, другим формам сексуализированного насилия и пыткам, а также содержали в бесчеловечных условиях. После окончания Второй мировой войны Япония и Филиппины подписали мирный договор и соглашение о репарациях, в которых не упоминались женщины, ставшие жертвами системы сексуального рабства в военное время.

В 1995 году Япония учредила частный фонд, который за счет частных пожертвований предоставлял компенсации жертвам сексуального рабства. Однако многие пострадавшие, включая заявительниц, не приняли данную компенсацию, поскольку она не сопровождалась признанием Японией своей юридической ответственности.

Заявительницы обращались к властям Филиппин с просьбой о помощи в подаче иска против японских должностных лиц и военных, ответственных за создание системы сексуального рабства, однако им было отказано. В сообщении в КЛДЖ авторки также указывали, что филиппинские ветераны войны, среди которых преобладают мужчины, пользовались особым и почетным отношением, в том числе льготами на образование и медицинское обслуживание, выплатами в связи со старостью, инвалидностью и смертью, а также пособиями на погребение. При этом женщинам, которые тоже были жертвами войны, не предоставлялись ни льготы, ни услуги, ни какие-либо формы поддержки, что представляло собой дискриминацию по отношению к женщинам.

Авторки указывали, что таким образом Филиппины нарушили свое обязательство поддерживать недискриминацию женщин и девочек на своей территории и это невыполнение «привело, по сути, к дальнейшей дискриминации в отношении авторов сообщения, которая продолжается и по сей день» (п.3.4).

С учетом всех обстоятельств дела Комитет признал, что отсутствие надлежащей социальной поддержки потерпевших со стороны Филиппин, отсутствие репараций, льгот и признания, соразмерных причиненному потерпевшим вреду, является нарушением государством-участником своих обязательств.

Глава 4. Торговля людьми

Несмотря на масштабы проблемы торговли людьми, в Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин поступало крайне мало сообщений, касающихся этого вида нарушений прав человека, и лишь одно было признано приемлемым.

В деле **A.L.P., A.M.E. and F.F.B. v. Republic of Korea** (CEDAW/C/86/D/139/2018) три женщины из Филиппин приехали в страну по визе категории E-6-2 (предназначенной для работы в сфере искусства и индустрии развлечений), чтобы работать артистками. Однако вместо этого они столкнулись с принуждением к проституции, сексуальными домогательствами со стороны владельца клуба, словесными оскорблениями, физическим насилием и постоянными угрозами.

Во время обыска в клубе полиция установила, что паспорта заявительниц находились у владельца клуба, и что женщины имели визы категории E-6-2, которые часто используются для эксплуатации и торговли людьми. Но вместо того чтобы идентифицировать их как жертв, полиция задержала женщин и начала расследование по подозрению в занятии проституцией.

Спустя два дня женщины были освобождены из полиции и вынуждены были вернуться в клуб, однако сбежали оттуда через несколько дней. В дальнейшем они вновь были задержаны полицией, и лишь тогда сообщили, что их принуждали оказывать сексуальные услуги клиентам клуба. Впоследствии владелец клуба, причастный к эксплуатации заявительниц, был приговорен к одному году лишения свободы с отсрочкой на два года за сексуальные домогательства в отношении заявительниц, но не по факту торговли людьми.

После второго задержания в отношении заявительниц было принято решение о высылке из Кореи. Авторки провели более 40 дней в центре содержания мигрантов, пока не было удовлетворено их ходатайство о временном освобождении. Тем не менее решение о высылке осталось в силе. Последующие жалобы авторок на это решение не были удовлетворены национальными судами, и, хотя высылка так и не была произведена, заявительницы постоянно находились под угрозой депортации из Кореи. Заявительницы также подавали гражданский иск о компенсации вреда, причиненного незаконным задержанием, однако суды отказали в удовлетворении иска.

Несмотря на многочисленные аргументы государства Комитет поддержал позицию авторок сообщения, заявлявших о наличии дискриминации со стороны государства-участника. В частности, Комитет обратил внимание на следующие обстоятельства: а) неэффективное расследование случаев гендерного насилия, отсутствие возмещения вреда и стереотипное представление о поведении жертв торговли людьми; б) необеспечение доступа

к правосудию и эффективным средствам правовой защиты; с) уязвимость авторок как мигранток не была учтена.

а) Неэффективное расследование случаев гендерного насилия, отсутствие возмещения вреда и стереотипное представление о поведении жертв торговли людьми.

Комитет пришел к выводу о неэффективности расследования случаев гендерного насилия, что является проявлением гендерной дискриминации.

Полиция дважды задерживала заявительниц и допрашивала их как предполагаемых преступниц, вместо того чтобы рассматривать их как жертв торговли людьми и предоставить им соответствующую защиту. Государственные органы не дали оценку уязвимому положению авторок, сосредоточившись исключительно на факте занятия проституцией.

В связи с этим Комитет подчеркнул, что государства несут обязательства по идентификации жертв торговли людьми, даже если сами жертвы не заявляют о своем статусе или не идентифицируют себя как таковые (п.9.4). Государствам необходимо принимать «меры для обеспечения законных прав и защиты жертв торговли людьми независимо от их иммиграционного статуса или готовности сотрудничать с правоохранительными органами» (п.9.7).

В деле имелся ряд факторов, на которые должно было обратить внимание государство в своем расследовании, в том числе: изъятие паспортов и их хранение у владельца клуба; многочисленные случаи, когда обладатели виз категории E-6-2 становились жертвами торговли людьми и сексуальной эксплуатации; побег заявительниц из клуба после первого задержания и показания о сексуальной эксплуатации, данные ими во время второго задержания. Игнорирование этих и других фактов привело к неспособности идентифицировать авторок сообщения как жертв торговли людьми, что в свою очередь является актом гендерной дискриминации в отношении них (п.9.8). На неспособность такой идентификации, по мнению Комитета, также повлияли стереотипные представления сотрудников полиции и судов о поведении жертв торговли людьми (п.9.2).

При рассмотрении гражданского иска и жалоб на решение о высылке национальные суды сделали акцент на отсутствии полной физической изоляции заявительниц. В частности, было установлено, что авторки на регулярной основе свободно покидали ночной клуб и возвращались обратно. Ф.Ф.Б. могла встречаться со своим сексуальным партнером вне рабочего места во второй половине дня. Владелец клуба купил мобильные телефоны для А.Л.П. и другой женщины, работающей в ночном клубе, что, по мнению государственных органов, ставило под сомнение его намерение изолировать их от внешнего мира, а мобильные телефоны давали возможность рассказать о нанесенном ущербе другим людям вне рабочего места. Судьи пришли к

выводу, что на заявительниц не оказывалось никакого принуждения к оказанию сексуальных услуг, и это подтверждало законность распоряжений о высылке и заключении под стражу.

По мнению Комитета, «такое восприятие свободы передвижения и владения мобильными телефонами привело к тому, что суды, в том числе иммиграционные, не признали их [авторок] жертвами торговли людьми» (п.9.7).

На основании этого Комитет отметил, что расследование торговли людьми, которая привела к сексуальной эксплуатации заявительниц, проведено не было, не было осуществлено судебное преследование и не был вынесен обвинительный приговор. Коренные причины этого явления Комитет усмотрел в «структурной дискриминации по признаку пола, представляющей собой гендерное насилие, и часто усугубляющейся в условиях перемещения, миграции и растущей глобализации экономической деятельности» (п.9.10).

в) Необеспечение доступа к правосудию и эффективным средствам правовой защиты.

В отношении авторок действовало распоряжение о высылке и они могли быть депортированы в любое время, что делало бы невозможным их участие в судебных процедурах по гражданскому иску. Государство утверждало, что авторки могли продолжать судебное разбирательство в Республике Корея и после выезда из страны. Заявительницы же считали, что это было бы невозможно, т.к. после высылки они не смогли бы выступить в суде в качестве свидетелей, что привело бы к прекращению дела и лишило бы их возможности получения компенсации.

Комитет согласился с утверждениями авторок о том, что государство могло предоставить им законный статус резидента, позволяющий им оставаться в стране назначения в период судебного разбирательства, чтобы обеспечить отправление репаративного правосудия. Комитет пришел к выводу, что государство-участник не гарантировало авторкам сообщения доступа к правосудию и надлежащим средствам правовой защиты (п.9.10).

с) Уязвимость авторок как мигранток не была учтена.

Ссылаясь на свою Общую рекомендацию № 33, касающуюся доступа женщин к правосудию, Комитет напомнил, что женщины в непропорционально высокой степени подвергаются уголовному преследованию в силу своего положения или статуса, например поскольку они занимаются проституцией, являются мигрантами, делают аборты или принадлежат к другим группам, подвергающимся дискриминации (п.9.9). В связи с этим Комитет согласился с утверждением авторок о том, что «судебные органы государства подвергли их дискриминации из-за их положения как иностранных мигранток-женщин с визой категории E-6-2» (п.9.10).

Комитет отметил, что жертвы торговли людьми должны иметь право на временное проживание, включая разрешение на работу, что отвечает интересам как в плане предоставления жертвам торговли людьми возможности восстановиться и заново построить свою жизнь, так и в плане эффективного преследования торговцев людьми посредством поощрения жертв к тому, чтобы выступать в качестве свидетелей и давать показания в ходе уголовных процессов против торговцев людьми. Вместо этого к авторам сообщения изначально относились как к преступникам, а не как к жертвам преступления (п.9.7).

Глава 5. Доступ к медицинскому обслуживанию

Статья 12 Конвенции закрепляет обязанность государств-участников обеспечить ликвидацию дискриминации в отношении женщин в области здравоохранения, и отдельно указывает на необходимость предоставления соответствующего обслуживания в период беременности, родов и послеродовой период. В практике КЛДЖ имеются различные примеры нарушений указанной обязанности со стороны государства. Эти примеры можно объединить в несколько тематических групп.

5.1. Доступ к услугам в области репродуктивного здоровья

В деле **S.B. and M.B. v. North Macedonia** (CEDAW/C/77/D/143/2019) заявительницы – представительницы народности рома – утверждали, что в их муниципалитете не предоставлялись бесплатные гинекологические услуги, несмотря на то что там проживало более 13 000 женщин репродуктивного возраста. При этом в частный медицинский центр было невозможно обратиться, т.к. центр под благовидным предлогом отказывал представительницам рома, в том числе авторкам, в записи на прием к гинекологу.

Комитет принял к сведению утверждение авторок о том, что «женщины-рома систематически сталкиваются со стигматизацией, пытаются получить доступ к гинекологическим услугам, и что женщины из общины рома, как правило, в несоразмерной степени страдают от этого по сравнению с другими женщинами репродуктивного возраста, которые нуждаются в гинекологических услугах» (п.7.4). Ввиду того, что государство не предоставило информации о принятии надлежащих мер для обеспечения доступа авторов сообщения к плановым бесплатным услугам в области репродуктивного здоровья, Комитет пришел к выводу о нарушении ст.12 Конвенции.

5.2. Доступ к надлежащему медицинскому обслуживанию в период беременности и родов

Дело **S.N., E.R. v. North Macedonia** (CEDAW/C/75/D/107/2016), как и указанное выше дело, является примером перекрестной дискриминации. Авторки – несовершеннолетние, беременные представительницы рома – жили в неофициальном поселении «Полигон», где жители не имели никакого права собственности на землю и строили дома из подручных средств. У авторок не было документов, и в связи с этим они не имели права на получение бесплатной медицинской помощи.

1 августа 2016 года без предварительного уведомления все жители поселения «Полигон» были выселены из своих жилищ, на территорию поселения приехали бульдозеры и снесли все дома. Через какое-то время после выселения заявительницам предложили места в центре для бездомных, но условия проживания там не подходили для женщин, особенно беременных, а также были явно опасными для детей. Обе женщины были вынуждены вернуться на место поселения.

Авторки утверждали, что эффективных средств правовой защиты в их ситуации не существовало: выселение произошло без уведомления заявительниц и без права на обжалование; из-за отсутствия документов они не могли получить надлежащую медицинскую и социальную помощь.

В данном деле Комитет напомнил, что «право на свободу от дискриминации влечет за собой не только необходимость равного обращения с людьми, находящимися в сходных ситуациях, но и различного обращения с ними, когда они находятся в разных ситуациях» (п.9.3). Тем не менее, государство обращалось с авторками так же, как и с другими выселенными лицами, без учета их возраста и беременности. В связи с этим заявительницы «во время беременности, когда существенное значение имел временной фактор, столкнулись с серьезными препятствиями в том, что касается охраны их здоровья и репродуктивных прав» (п.9.3). Комитет отдельно отметил, что из-за отсутствия у заявительниц документов государство не предоставило им доступа к бесплатному медицинскому обслуживанию и услугам по охране материнского здоровья.

Схожие подходы Комитет применил и в деле **L.A. et al. v. North Macedonia** (CEDAW/C/75/D/110/2016), также касающемся беременных женщин-рома, выселенных из неофициального поселения «Полигон». Заявительницы по данному делу имели доступ к медицинскому страхованию, но по-прежнему были обязаны нести значительную часть медицинских расходов, которые они не могли себе позволить. Кроме того, отдельные заявительницы не могли получить гинекологические услуги, т.к. «из-за заблуждений, стереотипов и предрассудков, бытующих в отношении народности рома, гинекологи порой отказывались ставить их представительниц на медицинский учет» (п.2.10).

В деле **Lourdes da Silva Pimentel v. Brazil** (CEDAW/C/49/D/17/2008) Комитет подчеркнул важность не просто формального доступа к медицинской помощи, но и качества такой помощи.

Беременная дочь заявительницы обратилась в частный медицинский центр в связи с плохим самочувствием. Гинеколог не обнаружил смерть плода, и только через два дня другой врач поставил правильный диагноз и стимулировал роды мертвого плода. После стимуляций родов состояние пациентки стало стремительно ухудшаться, но надлежащая помощь ей не была оказана. Врачи медицинского центра обратились в более крупные больницы с просьбой принять пациентку. В связи с отсутствием мест в больницах и машин

скорой помощи перевод в муниципальную больницу занял более восьми часов. При этом пациентку доставили без медицинской карты, разместили в вестибюле больницы и оставили практически без внимания на 21 час, пока она не умерла.

При рассмотрении сообщения в КЛДЖ государство доказывало, что смерть пациентки не была связана с беременностью и родами, а явилась результатом так называемого «кишечного кровоизлияния». Государство допускало, что врачами была оказана некачественная медицинская помощь, но, по мнению государства, «в сообщении не прослеживалось никакой связи между полом пациентки и теми медицинскими ошибками, которые, возможно, были совершены» (п.4.7). Государство готово было согласиться с доводами о наличии нарушений при оказании медицинской помощи частным медицинским центром и недостаточном контроле за деятельностью частных учреждений, но отрицало свою ответственность за дискриминацию в отношении женщин.

В своих соображениях Комитет отметил, что прежде всего должен рассмотреть вопрос о том, «относится ли эта смерть к категории смерти во время беременности и родов» (п.7.2), а уже затем – вопрос о выполнении требований ст.12 Конвенции. Отвечая на первый вопрос, Комитет отметил, что факты, изложенные заявительницей, «указывают на то, что смерть ее дочери действительно увязывается с осложнениями после акушерского вмешательства в связи с беременностью» (п.7.3). Комментируя утверждение государства о том, что в смерти пациентки виноват частный центр, Комитет напомнил, что «государство несет прямую ответственность за действия частных учреждений в тех случаях, когда оно передает на подряд оказание медицинских услуг, и более того государство всегда регулирует и контролирует деятельность частных медицинских учреждений» (п.7.5). Комитет указал, что «отсутствие надлежащих услуг по охране здоровья матери оказывает непропорциональное воздействие на право женщин на жизнь», а отсутствие медицинских услуг, «явно не отвечающих конкретным и особым медицинским потребностям и интересам женщин» является дискриминацией в отношении женщин (п.7.6).

5.3. Акушерское насилие (насилие в родах)

Специальная докладчица по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях в своем докладе «Применение базирующегося на правах человека подхода к проблеме жестокого обращения с женщинами и насилия в их отношении при оказании услуг по охране репродуктивного здоровья с уделением особого внимания родам и акушерскому насилию» (А/74/137) определяла «акушерское насилие» как «насилие, с которым женщины сталкиваются во время родов в медицинских учреждениях» (п.12).

В практике КЛДЖ на данный момент имеется три дела об акушерском насилии, и все из них были рассмотрены против Испании.

Первым рассмотренным делом подобного рода является **S.F.M. v. Spain** (CEDAW/C/75/D/138/2018). Авторка утверждала, что ее беременность протекала нормально, но на сроке 39 недель ее без каких-либо объективных оснований госпитализировали, на протяжении более полутора суток произвели 10 вагинальных осмотров. Заявительнице ввели окситоцин для стимулирования родов, не спросив у нее согласия и не рассказав о возможных негативных последствиях. Авторке не разрешили выбрать позу для родов. Без каких-либо предупреждений и объяснений ей сделали разрез в области промежности и вакуумным экстрактором извлекли ребенка, которого сразу же унесли. Врачи извлекли плаценту вручную, не получив согласия пациентки, и с нарушением медицинских требований для выполнения данной процедуры.

В течение семи дней дочь заявительницы находилась в отделении для новорожденных. В это время мать и отца ограничивали в посещении дочери и без их разрешения кормили ребенка из бутылочки.

В связи с произошедшими событиями у авторки развилось посттравматическое стрессовое расстройство, в связи с которым ей пришлось обратиться за психотерапевтической помощью. Женщина также была вынуждена пройти курс специализированной физиотерапии, из-за чего она не могла вести половую жизнь два года.

Заявительница подавала жалобы на допущенные нарушения, но они были отклонены судами. Авторка утверждала, что «некачественные медицинские услуги были оказаны ей именно из-за укоренившихся гендерных стереотипов, связанных с материнством и деторождением. Сначала медицинский персонал, а затем судьи посчитали, что женщины должны следовать предписаниям врачей, поскольку они не в состоянии принимать решения самостоятельно» (п.3.7).

Комитет пришел к выводу о том, что «наличие гендерных стереотипов сказывается на праве женщин на защиту от гендерного насилия, в данном случае от акушерского насилия, и что органам, уполномоченным принимать решения относительно ответственности за такие действия, следует с особой осторожностью следить за тем, чтобы не воспроизводить гендерные стереотипы» (п.7.5). КЛДЖ согласился с утверждением заявительницы о том, что административные и судебные органы государства-участника использовали стереотипные и, следовательно, дискриминационные представления, и признал нарушения Конвенции.

В своей последующей практике КЛДЖ поддержал вышеуказанные выводы²¹. Также Комитет перечислил факты, которые могут быть признаны акушерским насилием: индукция (стимулирование) родов с помощью

²¹ См. N.A.E. v. Spain (CEDAW/C/82/D/149/2019), п.15.8; M.D.C.P. v. Spain (CEDAW/C/84/D/154/2020), п.7.13.

окситоцина без предоставления заявительнице информации или получения ее согласия, проведение нескольких вагинальных осмотров, запрет на прием пищи, проведение кесарева сечения в отсутствие согласия женщины, разлучение с новорожденным, навязывание искусственного вскармливания против желания родителей²²; оскорбление достоинства, злоупотребления и жестокое обращение, невнимание к имевшимся патологиям и ненадлежащее применение эпидуральной анестезии без получения информированного согласия и/или без обоснования необходимости такого вмешательства, нанесение авторке в результате всего вышеперечисленного физического и психологического вреда²³.

5.4. Аборты

Конвенция прямо не закрепляет права на аборт, предоставляя государствам возможность самостоятельно решать вопрос о допустимости либо недопустимости прерывания беременности.

При этом п.1(e) ст.16 Конвенции закрепляет обязанность государств-участников обеспечивать на основе равенства мужчин и женщин одинаковые права свободно и ответственно решать вопрос о числе детей и промежутках между их рожденьями и иметь доступ к информации, образованию, а также средствам, которые позволяют им осуществлять это право.

В Общей рекомендации №24 (1999 год) КЛДЖ рекомендовал государствам-участникам «по возможности изменить законодательство, криминализирующее аборты, с тем чтобы отменить карательные меры, применяемые к женщинам, сделавшим аборт» (п.31(c)). При этом в п.18 Общей рекомендации №35 (2017 года) КЛДЖ указал, что криминализация абортов, отказ в услугах по безопасному прерыванию беременности и/или по уходу после аборта или задержки с предоставлением таких услуг представляют собой формы гендерного насилия.

Единственным делом, где Комитет рассматривал вопросы применения аборта, является дело **T.P.F. v. Peru** (CEDAW/C/50/D/22/2009). Авторка подала сообщение от имени своей несовершеннолетней дочери Л.С. Девочка с 11 лет подвергалась регулярному сексуализированному насилию. В 13 лет она забеременела и совершила попытку самоубийства, выбросившись из окна. Её госпитализировали с травмами позвоночника, которые вызвали паралич нижних и верхних конечностей, что требовало срочного хирургического вмешательства. Однако, узнав о беременности, врач отложил операцию на позвоночнике. Пострадавшей также был поставлен диагноз

²² N.A.E. v. Spain (CEDAW/C/82/D/149/2019), п.15.7.

²³ M.D.C.P. v. Spain (CEDAW/C/84/D/154/2020), п.7.12.

тревожно-депрессивного синдрома средней степени, однако ей не было предложено никакого лечения, поскольку во время беременности оно противопоказано.

Аборты в Перу запрещены, но их проведение допускается в целях предотвращения причинения тяжкого и непоправимого вреда здоровью матери. Такого основания для аборта, как беременность в результате изнасилования, законодательство Перу не предусматривает.

Заявительница просила больницу сделать ее дочери аборт, т.к. беременность делала невозможной операцию на позвоночнике. Через 42 дня после подачи просьбы о проведении аборта медицинская комиссия больницы отклонила просьбу на том основании, что, по ее мнению, жизнь пациентки была вне опасности. Вскоре у дочери заявительницы произошел выкидыш, и ей сделали операцию на позвоночнике – почти через три с половиной месяца после принятия решения о необходимости такой операции. Некоторое время она проходила реабилитацию, но была вынуждена прекратить из-за отсутствия средств. Девочка осталась парализованной от шеи до нижних конечностей, и только подвижность рук была частично восстановлена.

Комитет обратил внимание на то, что медицинская комиссия, решая вопрос о возможности или невозможности проведения аборта, не оценивала возможные последствия для девочки в случае сохранения беременности: «медицинская комиссия больницы отказала в прерывании беременности, считая, что жизнь Л.С. вне опасности, однако не рассматривала возможность ущерба ее здоровью, включая ее психическое здоровье» (п.8.14). Комитет пришел к выводу, что дочь заявительницы «не получила доступа к эффективной и доступной процедуре, позволяющей ей осуществить свое право на медицинские услуги, необходимые в ее физическом и психическом состоянии. Эти услуги включали как хирургическую операцию на позвоночнике, так и медицинский аборт» (п.8.15). В связи с этим Комитет пришел к выводу о нарушении ст.12 Конвенции.

Комитет также признал нарушение ст.5 Конвенции, «поскольку решение о переносе операции по причине беременности было принято под влиянием стереотипа, согласно которому интересы защита плода выше интересов здоровья матери» (п.8.15).

КЛДЖ отметил, что законодательство Перу не предусматривает какой-либо процедуры подачи просьбы о проведении легального аборта. Комитет указал, что «поскольку государство-участник легализовало медицинский аборт, оно должно создать надлежащую правовую базу, позволяющую женщинам осуществлять свое право на него в условиях, гарантирующих необходимую правовую безопасность как для лиц, прибегающих к аборту, так и для медицинских специалистов, которые должны его проводить. Существенно важно, чтобы эти правовые рамки включали механизм быстрого принятия решений с целью снижения степени возможных рисков для здоровья

беременной женщины, чтобы учитывалось ее мнение, чтобы решение было обоснованным и существовало право его обжаловать» (п.8.17). Комитет признал, что пострадавшей было недоступно эффективное средство правовой защиты и что со стороны государства имели место нарушения ст.2(с) и (f) Конвенции.

Среди рекомендаций, которые Комитет дал государству, была и рекомендация пересмотреть свое законодательство с целью отмены уголовной ответственности за прерывание беременности в случаях ее возникновения вследствие изнасилования или сексуального надругательства.

Глава 6. Условия содержания в местах несвободы

Первым делом, которое было рассмотрено КЛДЖ против Беларуси, было дело **Inga Abramova v. Belarus** (CEDAW/C/49/D/23/2009). Это же сообщение было прецедентным: Комитет впервые дал оценку условиям содержания в местах несвободы с учетом гендерных аспектов.

Инга Абрамова, журналистка и активистка, была задержана в Бресте якобы за совершение мелкого хулиганства. Суд признал её виновной и назначил ей пять суток административного ареста. В своем сообщении заявительница утверждала, что условия содержания в ИВС, где она отбывала административный арест, представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и дискриминацию. В камере были отключены батареи, не было горячей воды, постельные принадлежности были грязными, освещение было плохое, и при этом свет горел круглые сутки. За все время отбывания ареста заявительницу только один раз вывели на 15-минутную прогулку. Туалет был оборудован таким образом, что женщину, которая им пользовалась, могли видеть как сокамерницы, так и мужской персонал ИВС (при осмотре камеры в дверной глазок). Сотрудниц-женщин в ИВС не было. Авторка жаловалась на недопустимые прикосновения во время обыска, угрозы раздеть ее и унижительные замечания со стороны сотрудников-мужчин.

Ссылаясь на ст.6 своей Общей рекомендации №19, Комитет напомнил, что понятие дискриминации включает в себя гендерное насилие, т.е. насилие, направленное против женщины, потому что она является женщиной, или затрагивающее женщин непропорциональным образом. Признавая, что условия содержания, возможно, не были дискриминационными как таковые, Комитет отметил: «тот факт, что в изоляторе временного содержания не учитывались конкретные потребности женщин, имеет дискриминационный эффект» (п.7.5).

КЛДЖ пришел к выводу, что недопустимые прикосновения сотрудников-мужчин к заявительнице, неоправданное вмешательство в ее частную жизнь (возможность охранников наблюдать за заявительницей во время использования туалета) ухудшило условия содержания авторки гораздо больше, чем у мужчин-заключенных. Комитет пришел к выводу, что вышеуказанные действия со стороны сотрудников-мужчин представляют собой сексуальные домогательства, которые в свою очередь являются одной из форм гендерного насилия.

Комитет признал наличие дискриминации по отношению к заявительнице и нарушения со стороны государства-участника.

Такой же позиции Комитет придерживался и в двух других делах, касающихся дискриминации в местах несвободы: **R.G. v. Kyrgyzstan** (CEDAW/C/77/D/133/2018) и **E.D. and M.D. v. Belarus** (CEDAW/C/87/D/157/2020).

Глава 7. ЛБТК+

В практике КЛДЖ есть только три сообщения, которые касаются защиты прав женщин-представительниц ЛБТК+ сообщества. Одно сообщение было признано неприемлемым, а два других сообщения Комитет рассмотрел и нашёл нарушения Конвенции.

В деле **K.K. v. Russian Federation** (CEDAW/C/72/D/98/2016) заявительница – активистка борьбы за права ЛБТК+ – пыталась привлечь к ответственности российского депутата за оскорбления, которые он высказывал в адрес самой заявительницы, а также иных посетителей и волонтеров фестиваля «Квирфест». Депутат не был привлечен к административной ответственности ввиду наличия депутатской неприкосновенности, а гражданский иск о защите чести и достоинства не был удовлетворён ввиду отсутствия доказательств того, что оскорбительные высказывания со стороны ответчика действительно имели место.

Заявительница утверждала, что подверглась дискриминации в связи с принадлежностью к ЛБТК+ сообществу, в связи с работой в организации, борющейся за права ЛБТК+ персон, а также из-за несоответствия стереотипам, касающимся традиционной роли женщин. Авторка утверждала, что государство-участник не предоставило ей эффективных средств правовой защиты, не обеспечило какого-либо восстановления ее прав.

Тем не менее, Комитет пришел к выводу, что фактически целью авторки было оспаривание того, каким образом национальные суды рассмотрели обстоятельства ее дела и применили положения национального законодательства. При этом КЛДЖ указал, что «именно национальные суды дают оценку фактов, и в данном деле ничто не свидетельствовало о том, что такая оценка была предвзятой или проводилась на основании гендерных стереотипов: обе стороны судебного разбирательства имели возможность представить мнения выбранных ими экспертов о значении слов, высказанных в адрес авторки сообщения, и суды определили, что утверждение авторки о дискриминации и унижении по признаку ее сексуальной ориентации не были подкреплены достаточными доказательствами» (п.8.6). Комитет признал данное сообщение неприемлемым ввиду его недостаточной обоснованности.

В деле **O.N., D.P. v. Russian Federation** (CEDAW/C/75/D/119/2017) заявительницы – лесбийская пара, которая открыто показывала в обществе свои отношения – подверглись избиению со стороны незнакомого мужчины, который выкрикивал гомофобные оскорбления и угрозы; в это время другой мужчина снимал все происходящее на телефон. Нападение произошло в ночь с 19 на 20 октября 2014 года, а 21 октября 2014 года авторки сообщили о произошедшем в полицию и подчеркивали в своих заявлениях, что преступление было мотивировано ненавистью в связи с их сексуальной ориентацией.

30 октября 2014 года следователь отказал в возбуждении уголовного дела в связи с невозможностью установить свидетелей и лиц, совершивших предполагаемое преступление. В дальнейшем несколько раз решения следователя об отказе в возбуждении уголовного дела отменялись, дело направлялось на дополнительное расследование, и следователь снова отказывал в возбуждении уголовного дела. Через семь месяцев после нападения уголовное дело все же было возбуждено, но следователь не включил гомофобный мотив в описание предполагаемого преступления. В дальнейшем расследование уголовного дела неоднократно приостанавливалось, затем возобновлялось и снова приостанавливалось. Неоднократные жалобы на бездействие следователя, неверную квалификацию и приостановление следствия по уголовному делу были отклонены. В сентябре 2016 года авторки обратились к властям с просьбой проинформировать их о ходе расследования их дела, но никакого ответа они не получили.

В своем сообщении в Комитет заявительницы утверждали, что государство не провело эффективное расследование преступления, совершенного против них частными лицами по причине их сексуальной ориентации. Также не был учтен гомофобный контекст нападения, а в Уголовном кодексе отсутствовала прямая норма, которая квалифицировала бы преступления, совершенные на основании ненависти и предрассудков в связи с сексуальной ориентацией потерпевших, как более тяжкие.

В данном деле Комитет снова указывает на существование перекрестной дискриминации, при которой сочетаются несколько форм дискриминации, и напоминает, что «дискриминация в отношении женщин неразрывно связана и с другими факторами, которые влияют на их жизнь, в том числе с тем, являются ли они лесбиянками» (п.7.4). КЛДЖ подчеркнул, что «полное осуществление Конвенции требует от государств-участников не только принятия мер в целях ликвидации прямой и косвенной дискриминации и улучшения фактического положения женщин, но и преобразования и изменения гендерных стереотипов и устранения ошибочных гендерных стереотипных представлений — коренной причины и следствия дискриминации в отношении женщин» (п.7.2).

Комитет пришел к выводу о том, что, «не проведя оперативного, адекватного и эффективного расследования жалобы авторок сообщения о жестоком нападении на них как на лесбиянок, а также не рассмотрев их дело с учетом гендерных аспектов, власти позволили негативным стереотипам, связанным с лесбиянками, повлиять на свои действия» (п.7.8). Кроме того, «государство-участник [...] не выполнило свою обязанность по устранению препятствий, с которыми столкнулись авторки сообщения при попытке добиться правосудия по их делу, в частности негативных стереотипов в отношении лесбиянок, а также по обеспечению строгого соблюдения сотрудниками правоохранительных органов законодательства, запрещающего гендерную дискриминацию в отношении женщин» (п.7.10).

Заявительница по делу **Flamer-Caldera v. Sri Lanka** (CEDAW/C/81/D/134/2018) Розанна Флеймер-Кальдера являлась открытой лесбиянкой, активисткой борьбы за права лесбиянок, геев, бисексуальных, трансгендерных и интерсекс-людей в Шри-Ланке. Она одевалась в одежду, которая считается «мужской», и носила короткую прическу. На протяжении длительного периода времени и авторка лично, и организации, которые она основала, подвергались нападкам со стороны СМИ и общественности. В частности, в СМИ публиковались призывы к полиции освободить осужденных насильников, чтобы «лесбиянки могли отвесть вкус настоящего веселья» (п.2.4). Бюро полиции по делам женщин и детей публично утверждало, что рост числа случаев жестокого обращения с детьми связан преимущественно с «расползанием гомосексуальной культуры» – и при этом заявлялось, что авторка и ее организация ответственны за распространение гомосексуальности (п.2.5). Авторка подвергалась и иным публичным нападкам, а также угрозам насилия со стороны государственных должностных лиц и представителей общественности, в том числе в социальных сетях.

Согласно Уголовному кодексу Шри Ланки 1883 года сексуальные отношения между совершеннолетними лицами одного пола по обоюдному согласию являются уголовным преступлением. Изначально данная норма касалась только мужчин, но в 1995 году в Уголовный кодекс были внесены поправки, распространившие его действие на половые отношения между женщинами.

Будучи активисткой и открытой лесбиянкой, авторка постоянно находилась под угрозой уголовного преследования. В своем сообщении в КЛДЖ она утверждала, что криминализация однополых сексуальных отношений между женщинами и сопутствующая возможность ареста и судебного преследования равносильны дискриминации по признаку пола и сексуальной ориентации. Авторка заявляла, что поправки в Уголовный кодекс вынудили ее изменить свой образ жизни и характер поведения на публике и в частной жизни.

В своей жалобе авторка признавала, что Уголовный кодекс был применим и к женщинам, и к мужчинам. При этом она утверждала, что лесбиянки и бисексуальные женщины сталкиваются с интерсекциональной (перекрестной) дискриминацией, т.е. подвергаются дискриминации и как женщины, и как представительницы ЛГБТК+ сообщества, поэтому норма Уголовного кодекса имела на них комплексное влияние (п.3.1). Авторка утверждала, что криминализация однополых отношений создала серьезные препятствия для доступа к правосудию и породила культуру, в которой процветает преследование и насилие в отношении лесбиянок.

Заявительница не привлекалась к уголовной ответственности за однополые отношения. Тем не менее, Комитет принял во внимание то, что, будучи открытой лесбиянкой и известной активисткой, выступающей за права ЛГБТК+ персон, авторка «постоянно подвергается риску ареста, задержания и

расследования ее частной жизни и, поскольку это положение закона продолжает действовать, вынуждена соответствующим образом менять свое поведение» (п.9.2), т.е. авторка смогла доказать, что является жертвой нарушений со стороны государства.

Авторка не исчерпала внутренние средства правовой защиты, но смогла обосновать невозможность такого исчерпания (ходатайство о пересмотре поправки к Уголовному кодексу можно было подать только в течение одной недели с момента включения законопроекта в повестку дня Парламента, о чем авторке не было известно; вариантов обжалования поправки в судебном порядке законодательство Шри Ланки не предусматривает). Государство пыталось заявлять о неприемлемости сообщения *ratione temporis*, но Комитет согласился с утверждениями авторки о том, что последствия криминализации однополых отношений представляли собой нарушение, продолжавшееся после вступления в силу Факультативного протокола для государства-участника, включая дискриминацию, преследования, стигматизацию, угрозы и нападения, которым авторка подвергалась после этой даты.

В своих соображениях Комитет пришел к выводу о том, что криминализация однополых сексуальных отношений между женщинами усугубляет дискриминацию в целом в отношении женщин. Авторка подвергалась дискриминации как женщина, как лесбиянка, как активистка. Государство не смогло искоренить предрассудки и стереотипы, жертвой которых стала авторка, не защитило автора от преследований и угроз, и более того – было к ним причастно. Комитет также согласился с утверждением авторки о том, что криминализации однополых сексуальных отношений между женщинами нарушило ее права на независимость и выбор, лежащие в основе ст.16 Конвенции (право на недискриминацию во всех вопросах, касающихся брака и семейных отношений), учитывая, что из-за страха преследования ей было трудно найти партнерку в Шри-Ланке (п.9.7). В результате Комитет признал нарушения со стороны государства и наличие дискриминации.

Глава 8. Практика по делам о высылке

По состоянию на конец 2024 года более трети всех сообщений в Комитет касались отказа в предоставлении убежища в государствах-участниках и высылки. В нескольких таких делах заявительницы после подачи сообщения получили вид на жительство в государстве-участнике, им более не грозила депортация, поэтому рассмотрение сообщений было прекращено. Большинство же сообщений, касающихся высылки, Комитет посчитал неприемлемыми. Рассмотрено было лишь 7 сообщений, а нарушения Конвенции Комитет констатировал только в 2 делах: **A. v. Denmark** (CEDAW/C/62/D/53/2013) и **Tahereh Mohammadi Bandboni et al v. Switzerland** (CEDAW/C/85/D/173/2021).

В большинстве сообщений ставился вопрос о безопасности возвращения в страны происхождения заявительниц, однако в двух делах авторки жаловались на намерение Швейцарии выслать их в Италию (**Rahma Abdi-Osman v. Switzerland**, CEDAW/C/76/D/122/2017) и Францию (**M.A. v. Switzerland**, CEDAW/C/80/D/145/2019). В обоих случаях Швейцария намеревалась выслать заявительниц в третьи страны на основании Регламента Дублин III (№ 604/2013), который определяет, какое государство-член Европейского союза несет ответственность за рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища. В первом случае КЛДЖ пришел к выводу об отсутствии нарушений со стороны государства-участника, во втором – признал сообщение неприемлемым.

Первые дела, касающиеся высылки, были признаны неприемлемыми в связи с исчерпанием внутренних средств правовой защиты (**N.S.F. v. United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland; Zhen Zhen Zheng v. Netherlands; Herrera Rivera v. Canada**).

В дальнейшем Комитет, принимая решения о неприемлемости сообщения или констатируя отсутствие нарушений со стороны государства-участника, как правило, указывал на недостаточную обоснованность сообщений. При этом следует отметить, что во многих из таких сообщений авторки заявляли о многочисленных случаях гендерной дискриминации, включая изнасилования, домашнее насилие, трудовую и сексуальную эксплуатацию, с которыми они уже сталкивались в странах происхождения или рискуют столкнуться при возвращении туда. Однако единой системы оценки доводов заявительниц, которой придерживался Комитет, из имеющихся решений не усматривается.

Среди таких дел следует отметить дело **M.N.N. v. Denmark** (CEDAW/C/55/D/33/2011). Несмотря на признание сообщения в конечном итоге неприемлемым, это дело имело прецедентное значение, т.к. Комитет пришел к выводу об экстерриториальном действии Конвенции.

Заявительница утверждала, что Дания нарушила свои обязательства по Конвенции, так как это государство намеревалось выслать ее в Уганду, где ей

предположительно угрожала вероятностью подвергнуться калечащей операции на половых органах.

Государство настаивало, что Конвенция не затрагивает вопросы высылки, и в любом случае «только в исключительных обстоятельствах действия государств-участников, приводящие к возникновению последствий в других государствах, являются причиной возникновения ответственности предпринимającego действия государства-участника («экстерриториальное действие»)» (п.4.6). Дания заявляла, что в данном деле никаких исключительных обстоятельств не было, и она не могла нести ответственность за дискриминацию, которая, возможно, случилась бы в рамках юрисдикции другого государства.

Тем не менее, Комитет указал, что «принцип невыдворения налагает на государства обязанность воздерживаться от возвращения лиц в юрисдикцию, в которой они могут подвергнуться серьезным нарушениям прав человека [...] Суть принципа состоит в том, что государство не может заставить человека вернуться на территорию, где он или она может подвергнуться преследованиям, в том числе по гендерным признакам и мотивам» (п.8.8).

Ссылаясь на обязательства по ст.2(d) Конвенции, Комитет указал, что государства-участники обязаны «ограждать женщин от реального, личного и предсказуемого риска подвергнуться серьезным формам гендерного насилия, независимо от того, наступят ли такие последствия за территориальными границами высылающего государства: если государство-участник принимает решение в отношении лица под его юрисдикцией, неизбежным и предсказуемым последствием которого станет нарушение прав этого лица по Конвенции в другой юрисдикции, государство-участник само может стать нарушителем Конвенции» (п.8.10).

Одновременно Комитет отметил обязанность авторов доказать обоснованность своих претензий в Комитете и представить достаточно веские аргументы. В данном деле Комитет посчитал, что авторка не представила достаточного обоснования своего сообщения, и оно было признано неприемлемым.

В дальнейшем Комитет использовал вышеуказанную аргументацию и по иным делам, касающимся высылки.

Первым делом, где Комитет признал нарушения по сообщению о высылке, было **A. v. Denmark** (CEDAW/C/62/D/53/2013). Авторка, гражданка Пакистана, вышла замуж за гражданина Пакистана, имеющего вид на жительство в Дании. Брак был заключен без согласия обеих семей. Некоторое время авторка жила с мужем в Дании, но затем вернулась в Пакистан, т.к. ей было отказано в предоставлении вида на жительство. По возвращении в Пакистан она начала работать в салоне красоты. На салон красоты напала группа мужчин, а через несколько дней трое мужчин проникли в дом к авторке, облили воспламеняющейся жидкостью и подожгли ее одежду, утверждая, что она

является проституткой. Спустя несколько месяцев такси, в котором ехали авторка и ее сын, вплотную обстреляли неизвестные мужчины. Заявительница была уверена, что все нападения были организованы семьей её супруга. Авторка не обращалась в полицию, т.к. была уверена, что правоохранительные органы не предпримут никаких мер из-за слухов о том, что она является проституткой. Поехав в Данию по визе, авторка ходатайствовала о воссоединении семьи и о предоставлении убежища, однако ей было в этом отказано. Заявительница утверждала, что являлась жертвой покушения на убийство, совершенного «во имя чести», поскольку ее брак был заключен без согласия семьи ее мужа либо поскольку ее работа считалась безнравственной.

В данном деле Комитет повторил, что государство-участник нарушит Конвенцию, если выдворит лицо в другое государство, где это лицо с высокой степенью вероятности столкнется с серьезной формой гендерного насилия. Кроме того, как отметил Комитет, нарушение со стороны государства-участника будет иметь место «в случае, когда от властей государства, в которое будет возвращено данное лицо, нельзя ожидать защиты от определенных форм гендерного насилия» (п.8.6).

Ссылаясь на свою Общую рекомендацию №32 по гендерным аспектам статуса беженца, убежища, гражданства и безгражданства женщин, Комитет указал, что «государства-участники должны учитывать, что порог приемлемости ходатайств о предоставлении убежища должен определяться с точки зрения не вероятности, а допустимого правдоподобия того, что ходатайствующая сторона имеет веские основания опасаться преследования или того, что она по возвращении станет жертвой преследования» (п.9.6).

С учетом всех обстоятельств Комитет согласился с утверждением авторки о нарушении Данией Конвенции.

В деле **N.Q. v. United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland** (CEDAW/C/63/D/62/2013) Комитет признал приемлемость сообщения, однако посчитал, что авторка фактически оспаривала то, каким образом национальные органы рассмотрели обстоятельства ее дела. Комитет напомнил, что «оценка фактов и доказательств или оценка применения внутреннего законодательства в каждом конкретном случае относится к компетенции судебных органов государств-участников Конвенции, если не может быть установлено, что такая оценка носила предвзятый характер или базировалась на гендерных стереотипах, представляющих собой дискриминацию в отношении женщин, была явно произвольной или являлась равносильной отказу в правосудии» (п.6.6). Подобных недостатков Комитет не установил, поэтому пришел к выводу об отсутствии со стороны государства-участника нарушений положений Конвенции.

По аналогичным основаниям Комитет не признал нарушения в делах **F.F.M. v. Denmark** (CEDAW/C/67/D/70/2014), **A.M. v. Denmark**

(CEDAW/C/67/D/77/2014), **N.M. v. Denmark** (CEDAW/C/67/D/78/2014), **Rahma Abdi-Osman v. Switzerland** (CEDAW/C/76/D/122/2017).

В отдельных делах Комитет дополнительно отметил, что предполагаемые недостатки процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища «не могут расцениваться как факты дискриминации или предпосылки к ней, а решения, принятые органами власти по делу автора сообщения, не могут быть расценены как произвольные. Кроме того, каждое суверенное государство-участник самостоятельно формирует характер, структуру и процессуальную схему собственной системы определения статуса беженцев при соблюдении основных процессуальных гарантий, установленных международным правом»²⁴.

²⁴A.M. v. Denmark (CEDAW/C/67/D/77/2014), п.8.4; Rahma Abdi-Osman v. Switzerland (CEDAW/C/76/D/122/2017), п.7.4.

Список дел Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин

В настоящей таблице приведен список сообщений, поданных в Комитет, их тематика и виды принятых по ним решений:

Decision on merits – мнения по существу;

Inadmissibility decision – решение о неприемлемости;

Discontinuance decision – решение о прекращении рассмотрения сообщения;

Friendly settlement – решение о прекращении рассмотрения сообщения в связи с заключением мирового соглашения.

Автор	Государство	Дата принятия	Номер	Вид решения	Тема
A.T.	Hungary	26 Jan 2005	002/2003	Decision on merits	домашнее насилие
Kayhan	Türkiye	27 Jan 2006	008/2005	Inadmissibility decision	увольнение за ношение платка на голове
Szijjarto	Hungary	14 Aug 2006	004/2004	Decision on merits	стерилизация без информированного согласия
Nguyen	Netherlands	14 Aug 2006	003/2004	Decision on merits	пособия матерям
Salgado	United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland	22 Jan 2007	011/2006	Inadmissibility decision	невозможность передачи британского подданства по материнской линии
N.S.F.	United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland	30 May 2007	010/2005	Inadmissibility decision	высылка
The Vienna Intervention Centre against Domestic Violence and the Association for Women's Access to Justice	Austria	06 Aug 2007	006/2005	Decision on merits	домашнее насилие
Goekce	Austria	06 Aug 2007	005/2005	Decision on merits	домашнее насилие
Muñoz-Vargas y Sainz de Vicuña	Spain	09 Aug 2007	007/2005	Inadmissibility decision	наследование дворянского титула
Zhen Zhen Zheng	Netherlands	27 Oct 2008	015/2007	Inadmissibility decision	высылка

Автор	Государство	Дата принятия	Номер	Вид решения	Тема
Groupe d'Intérêt pour le Matronyme	France	04 Aug 2009	012/2007	Inadmissibility decision	отказ в изменении фамилии
Dayras et al.	France	04 Aug 2009	013/2007	Inadmissibility decision	невозможность передать фамилию детям
Tayag Vertido	Philippines	16 Jul 2010	018/2008	Decision on merits	изнасилования
Lourdes da Silva Pimentel	Brazil	25 Jul 2011	017/2008	Decision on merits	неоказание мед.помощи беременной
V.K.	Bulgaria	25 Jul 2011	020/2008	Decision on merits	домашнее насилие
Abramova	Belarus	25 Jul 2011	023/2009	Decision on merits	условия в местах несвободы
T.P.F.	Peru	17 Oct 2011	022/2009	Decision on merits	отказ в аборте
Herrera Rivera	Canada	18 Oct 2011	026/2010	Inadmissibility decision	высылка
Mukhina	Italy	18 Oct 2011	027/2010	Inadmissibility decision	опека над ребенком
M.P.M.,	Canada	24 Feb 2012	025/2010	Inadmissibility decision	высылка
R.K.B.	Türkiye	24 Feb 2012	028/2010	Decision on merits	трудовые права
Kell	Canada	28 Feb 2012	019/2008	Decision on merits	жилищные права
Isatou Jallow	Bulgaria	23 Jul 2012	032/2011	Decision on merits	домашнее насилие
S. V. P.	Bulgaria	12 Oct 2012	031/2011	Decision on merits	изнасилования
J.S.	United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland	15 Oct 2012	038/2012	Inadmissibility decision	невозможность передать британское подданство по материнской линии
M. N. N.	Denmark	15 Jul 2013	033/2011	Inadmissibility decision	высылка
M.S.	Denmark	22 Jul 2013	040/2012	Inadmissibility decision	высылка
M. E. N.	Denmark	26 Jul 2013	035/2011	Inadmissibility decision	высылка
Sankhé	Spain	11 Oct 2013	029/2011	Inadmissibility decision	высылка
M. K. D. A.-A.	Denmark	18 Oct 2013	044/2012	Inadmissibility decision	опека над ребенком
Elisabeth de Blok et al	Netherlands	17 Feb 2014	036/2012	Decision on merits	пособия матерям

Автор	Государство	Дата принятия	Номер	Вид решения	Тема
N.	Netherlands	17 Feb 2014	039/2012	Inadmissibility decision	высылка
R.P.B.	Philippines	21 Feb 2014	034/2011	Decision on merits	изнасилования
Angela González Carreño	Spain	16 Jul 2014	047/2012	Decision on merits	домашнее насилие
M.S.	Philippines	16 Jul 2014	030/2011	Inadmissibility decision	домогательства на рабочем месте
Y.C.	Denmark	24 Oct 2014	059/2013	Inadmissibility decision	высылка
S.O.	Canada	27 Oct 2014	049/2013	Inadmissibility decision	высылка
T.N.	Denmark	03 Nov 2014	037/2012	Inadmissibility decision	домашнее насилие, опека над детьми
E.S. and S.C.	United Republic of Tanzania	02 Mar 2015	048/2013	Decision on merits	наследственные права
Y.W.	Denmark	02 Mar 2015	051/2013	Inadmissibility decision	высылка
X and Y	Georgia	13 Jul 2015	024/2009	Decision on merits	домашнее насилие
Anna Belousova	Kazakhstan	13 Jul 2015	045/2012	Decision on merits	домогательства на рабочем месте
O.V.J.	Denmark	23 Jul 2015	050/2013	Inadmissibility decision	опека над ребенком
D.G.	Netherlands	23 Jul 2015	052/2013	Inadmissibility decision	отказ в социальной поддержке жертве эксплуатации и торговли людьми
A.	Denmark	19 Nov 2015	53/2013	Decision on merits	высылка
M.W. v. Denmark	Denmark	22 Feb 2016	046/2012	Decision on merits	опека над ребенком
Medvedeva	Russian Federation	25 Feb 2016	60/2013	Decision on merits	трудовые права (список запрещенных профессий)
N.Q.	United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland	25 Feb 2016	62/2013	Decision on merits	высылка
X.	Austria	11 Jul 2016	067/2014	Inadmissibility decision	права секс-работницы
V.	Denmark	11 Jul 2016	57/2013	Inadmissibility decision	высылка
K.S.	Denmark	19 Jul 2016	64/2013	Inadmissibility decision	опека над ребенком

Автор	Государство	Дата принятия	Номер	Вид решения	Тема
N.K.	Norway	07 Nov 2016	74/2014	Inadmissibility decision	пенсионные права
D.S.	Slovakia	07 Nov 2016	66/2014	Inadmissibility decision	сокращение должности сотрудницы с детьми
P.H.A.	Denmark	07 Nov 2016	61/2013	Inadmissibility decision	высылка
P.M.C.	Denmark	09 Nov 2016	056/2013	Inadmissibility decision	высылка
K.S.	Denmark	11 Nov 2016	71/2014	Inadmissibility decision	высылка
E.W.	Denmark	28 Feb 2017	54/2013	Inadmissibility decision	высылка
L.R.	Republic of Moldova	28 Feb 2017	58/2013	Decision on merits	домашнее насилие
T.S.	Russian Federation	28 Feb 2017	69/2014	Inadmissibility decision	изнасилования
F.F.M.	Denmark	21 Jul 2017	070/2014	Decision on merits	высылка
Reyna Trujillo Reyes and Pedro Arguello Morales	Mexico	21 Jul 2017	075/2014	Decision on merits	феминицид
A.M.	Denmark	21 Jul 2017	077/2014	Decision on merits	высылка
N.M.	Denmark	21 Jul 2017	078/2014	Decision on merits	высылка
S.J.A.	Denmark	06 Nov 2017	079/2014	Inadmissibility decision	высылка
O.G.	Russian Federation	06 Nov 2017	091/2015	Decision on merits	домашнее насилие
N.P.	Ukraine	06 Nov 2017	095/2015	Inadmissibility decision	трудовые права (увольнение)
K.I.A.	Denmark	06 Nov 2017	93/2015	Discontinuance decision	-
S.F.A.	Denmark	26 Feb 2018	085/2015	Inadmissibility decision	высылка
X.	Timor-Leste	26 Feb 2018	088/2015	Decision on merits	домашнее насилие
A.S.	Denmark	26 Feb 2018	080/2015	Inadmissibility decision	высылка
J.I.	Finland	05 Mar 2018	103/2016	Decision on merits	домашнее насилие
H.D.	Denmark	09 Jul 2018	076/2014	Inadmissibility decision	высылка
N.M.	Türkiye	09 Jul 2018	092/2015	Inadmissibility decision	опека над детьми

Автор	Государство	Дата принятия	Номер	Вид решения	Тема
A.O.D.	Denmark	09 Jul 2018	084/2015	Inadmissibility decision	высылка
H.S.	Denmark	09 Jul 2018	113/2017	Discontinuance decision	высылка
J.O.	Switzerland	09 Jul 2018	115/2017	Discontinuance decision	высылка
M.K.M.	Denmark	29 Oct 2018	081/2015	Inadmissibility decision	высылка
S.A.O.	Denmark	29 Oct 2018	101/2016	Inadmissibility decision	высылка
X.	Denmark	29 Oct 2018	073/2014	Discontinuance decision	высылка
Y.	Ecuador	29 Oct 2018	083/2015	Discontinuance decision	высылка
X.	Austria	29 Oct 2018	112/2017	Discontinuance decision	-
M.S.C.	Ecuador	29 Oct 2018	083/2015	Discontinuance decision	высылка
S.T.	Russian Federation	25 Jan 2019	065/2014	Decision on merits	домашнее насилие
A.R.I.	Denmark	25 Feb 2019	096/2015	Inadmissibility decision	высылка
K.K.	Russian Federation	25 Feb 2019	098/2015	Inadmissibility decision	ЛБТК+
R.M. et al	Switzerland	25 Feb 2019	97/2015	Discontinuance decision	высылка
R.S.A.A.	Denmark	15 Jul 2019	086/2015	Inadmissibility decision	высылка
A.N.A.	Denmark	15 Jul 2019	094/2015	Inadmissibility decision	высылка
O.D.A.	Denmark	15 Jul 2019	084/2015	Discontinuance decision	высылка
N.S.	Denmark	15 Jul 2019	109/2016	Discontinuance decision	высылка
X. and Y.	Russian Federation	16 Jul 2019	100/2016	Decision on merits	домашнее насилие
J.D.	Czech Republic	16 Jul 2019	102/2016	Inadmissibility decision	стерилизация без информированного согласия
O.M.	Ukraine	19 Jul 2019	087/2015	Decision on merits	домашнее насилие
S.L.	Bulgaria	19 Jul 2019	099/2016	Decision on merits	домашнее насилие

Автор	Государство	Дата принятия	Номер	Вид решения	Тема
Polish Society of Anti-Discrimination Law	Poland	19 Jul 2019	136/2018	Inadmissibility decision	жалоба на содержание пособия
A.J.	United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland	28 Oct 2019	126/2018	Inadmissibility decision	нарушение права на частную жизнь
Natalia Ciobanu	Republic of Moldova	04 Nov 2019	104/2016	Decision on merits	пенсионные права
K.B.	United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland	04 Nov 2019	106/2016	Inadmissibility decision	опека над детьми
K.I.A.	Denmark	04 Nov 2019	82/2015	Inadmissibility decision	высылка
F.H.A.	Denmark	17 Feb 2020	108/2016	Inadmissibility decision	высылка
R.R., M.R.	Finland	17 Feb 2020	111/2017	Inadmissibility decision	домашнее насилие
G.M.N.F.	Netherlands	17 Feb 2020	117/2017	Inadmissibility decision	опека над ребенком
S.N., E.R.	North Macedonia	24 Feb 2020	107/2016	Decision on merits	медицинские услуги беременным
O.N., D.P.	Russian Federation	24 Feb 2020	119/2017	Decision on merits	ЛБТК+
L.A. et al.	North Macedonia	24 Feb 2020	110/2016	Decision on merits	медицинские услуги беременным
S.F.M.	Spain	28 Feb 2020	138/2018	Decision on merits	акушерское насилие
C.E.R.	Argentina	28 Feb 2020	63/2013	Discontinuance decision	-
K.S.	Poland	06 Jul 2020	128/2018	Inadmissibility decision	домашнее насилие
M.A.M.N.	United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland	06 Jul 2020	141/2019	Inadmissibility decision	невозможность передачи британского подданства по материнской линии
D.B.	Slovakia	06 Jul 2020	135/2018	Inadmissibility decision	раздел супружеского имущества
G.H.	Hungary	06 Jul 2020	114/2017	Inadmissibility decision	стерилизация без информированного согласия
L.O. et al.	Switzerland	06 Jul 2020	124/2018	Inadmissibility decision	высылка

Автор	Государство	Дата принятия	Номер	Вид решения	Тема
Rahma Abdi-Osman	Switzerland	06 Jul 2020	122/2017	Decision on merits	высылка
X.	Czech Republic	06 Jul 2020	121/2017	Discontinuance decision	высылка
S.H.	Bosnia and Herzegovina	09 Jul 2020	116/2017	Decision on merits	изнасилование
V.C. (deceased)	Republic of Moldova	09 Jul 2020	105/2016	Decision on merits	домашнее насилие
S.B. and M.B.	North Macedonia	02 Nov 2020	143/2019	Decision on merits	медицинские услуги
R.G.	Kyrgyzstan	03 Nov 2020	133/2018	Decision on merits	условия в местах несвободы
V.P.	Belarus	28 Jun 2021	131/2018	Decision on merits	пенсионные права
X	Switzerland	28 Jun 2021	156/2020	Discontinuance decision	высылка
G.D.	Bulgaria	25 Oct 2021	142/2019	Inadmissibility decision	опека над детьми
H.H., I.H. and Y.H.	Georgia	25 Oct 2021	140/2019	Decision on merits	домашнее насилие
M.A.	Switzerland	01 Nov 2021	145/2019	Inadmissibility decision	высылка
Matson et al	Canada	14 Feb 2022	68/2014	Decision on merits	невозможность передачи статуса представителей коренных народов
Flamer-Caldera	Sri Lanka	21 Feb 2022	134/2018	Decision on merits	ЛБТК+
C.A.A.	Denmark	23 Feb 2022	163/2020	Discontinuance decision	высылка
M. M.	Switzerland	23 Feb 2022	160/2020	Discontinuance decision	высылка
D.N.S.	Denmark	23 Feb 2022	144/2019	Inadmissibility decision	высылка
A	Russian Federation	23 Feb 2022	137/2018	Inadmissibility decision	медицинские услуги (лечение наркозависимости)
A.F.	Italy	20 Jun 2022	148/2019	Decision on merits	изнасилование
N.A.E.	Spain	27 Jun 2022	149/2019	Decision on merits	акушерское насилие
B. M.	Switzerland	17 Oct 2022	132/2018	Inadmissibility decision	солидарная обязанность супругов по уплате налогов
Román Jaimes	Mexico	24 Oct 2022	153/2020	Decision on merits	насильственное исчезновение

Автор	Государство	Дата принятия	Номер	Вид решения	Тема
Z.F.	Switzerland	24 Oct 2022	186/2022	Discontinuance decision	-
Alonzo et al.	Philippines	17 Feb 2023	155/2020	Decision on merits	изнасилование
H.S.A.	Denmark	23 Feb 2023	151/2019	Discontinuance decision	-
Shpagina	Russian Federation	23 Feb 2023	129/2018	Decision on merits	медицинские услуги (лечение наркозависимости)
J.M.	Australia	23 Feb 2023	123/2017	Inadmissibility decision	пособия матерям
M.D.C.P.	Spain	24 Feb 2023	154/2020	Decision on merits	акушерское насилие
Tahereh Mohammdi Bandboni et al	Switzerland	15 May 2023	173/2021	Decision on merits	высылка
X.	Cambodia	19 May 2023	146/2019	Decision on merits	право собственности на землю
H.O.	Netherlands	19 May 2023	178/2022	Discontinuance decision	высылка
A.L.P., A.M.E. and F.F.B.	Republic of Korea	24 Oct 2023	139/2018	Decision on merits	торговля людьми
Díaz	Argentina	24 Oct 2023	127/2018	Friendly settlement	домашнее насилие
E.D. and M.D.	Belarus	12 Feb 2024	157/2020	Decision on merits	условия в местах несвободы
S.T.H.	Switzerland	16 Feb 2024	165/2021	Inadmissibility decision	высылка
Y.S.	Turkmenistan	31 May 2024	166/2021	Inadmissibility decision	право собственности
T.M	Denmark	31 May 2024	161/2020	Inadmissibility decision	высылка